

Реброва Алена

Тайны
наследников
Северного
графства

Книга вторая

2023

Алена Реброва

**Тайны наследников
Северного графства**

«Автор»

2019

Реброва А. Д.

Тайны наследников Северного графства / А. Д. Реброва —
«Автор», 2019

Неназванный наследник, спрятанное сокровище и тайна - вот без чего невозможно представить ни один древний род. Член семьи Сеймуrow, владык Северного Графства, поручил благородному рыцарю Дейкстеру Донану и его непоседливой помощнице-ведьме по имени Бэйр разыскать в поместье мага. Но, как часто бывает, когда речь идет о тайнах семьи, в расследовании всплывают все новые и новые лица, предметы и вещи, которые переворачивают, казалось бы, уже понятную историю с ног на голову.

© Реброва А. Д., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Мечта Лорена	5
Загнанный зверь	5
Клятвы	14
«Лошадиная косынка»	26
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Алена Реброва

Тайны наследников Северного графства

Мечта Лорена

Загнанный зверь

Я умчалась прочь из поместья, не сказав рыцарю ни слова. Это было безрассудно, но я должна была это сделать: мне хотелось доказать Дейкстеру и самой себе, что я могу справиться и в одиночку. Я не обуза.

Мне предстояло преодолеть несколько дней пути по карте и забрать для Лорена ключ. Дело настолько простое, что даже я его не провалю! Единственное, что от меня требуется, это не попасться шпионам Адольфа, если спустя месяц они все еще здесь есть, конечно. На этот случай я спрятала волосы под шляпу, а лицо закрыла шарфом. Если правильно воспользуюсь низким от природы голосом, я даже смогу притвориться мужчиной. Наверное.

Впрочем, змеи Адольфа быстренько переключались в самый конец списка моих проблем: следовать маршруту по карте оказалось вовсе не так просто, как я думала. Раньше этим всегда занимался Дейкстр, ему достаточно было один раз посмотреть на карту, и тогда он вел нас сутками напролет, ни разу не взяв ее в руки. Мне же приходилось внимательно изучать ее перед каждым поворотом. Черт недоволен фырчал, когда я заставляла его стоять на перекрестках, но деваться было некуда. Я с трудом различала маршрут в запутанных линиях и точках.

– Эй, если такой умный, сам смотри на карту! – воскликнула я, когда конь в очередной раз принялся возмущенно крутиться, требуя, чтобы я позволила ему идти дальше.

Вытянувшись, я расправила карту перед лошадиной мордой.

– Видишь!? Тут вообще ничего непонятно! – сказала я, потрясая исчерканной бумагой.

Черт ехидно заржал и пустился вправо.

– Так ты у меня со встроенным навигатором, оказывается? – усмехнулась я, покрепче ухватывая поводья. В голову не впервые пришла мысль о том, что мой конь раньше принадлежал какому-нибудь колдуну: ну не может обычная лошадь быть настолько умнее меня! По крайней мере, я на это надеюсь.

Как бы то ни было, а в конце концов мы смогли добраться до первого пункта путешествия засветло. Как только вдалеке показался долгожданный постоялый двор, заморосил дождь, но к тому времени, когда он перерос в ливень, мы с Чертом уже были под крышей.

Устроив коня в конюшне, я отправилась внутрь, чтобы заказать себе комнату и узнать, чем сегодня кормят усталых путников.

Внутри было жарко и шумно, разношерстные бродяги и путешественники перекидывались в карты, сидя за одинаковыми, повидавшими не мало драк столами. В очаге, достойном дома великана, на вертеле поджаривалась гигантская туша. Аппетитный запах мяса, истекающего жиром, заставил меня вспомнить о том, что я ничего не ела с самого утра и голодная до чертиков.

Но только я собралась окунуться в этот рай свинства, пьянства и прочих грешных наслаждений, как меня остановили.

– А ты, путница, к нам зачем пожаловала? – положил мне на плечо свою тяжелую лапу какой-то громила с лысой головой.

Похоже, моя конспирация не сработала... обидно.

Всегда, когда я оказывалась без Дейка, в тавернах и на постоянных дворах обязательно находились желающие соблазнить меня своими роскошными манерами. За месяц в поместье я успела отвыкнуть от приставаний.

– Я замужем, – фыркнула я, брезгливо скидывая с плеча грязную руку.

– А я женат, так что ты тоже губу закатай! – улыбнулся громила. – Я здешний вышибала. А ты, значится, слушай сюда, ведьма. У меня жена здесь служанка, и она ждет малыша. Будешь шуметь или драки устраивать – зарежу. Поняла?

Как он догадался, что я ведьма, я даже спрашивать не стала. Все почему-то сразу догадываются.

– За меня не беспокойся, я мирная, – я улыбнулась в ответ. – Мне бы комнату и поесть чего-нибудь. Это к кому?

– А вон к тому, что у очага прыгает. Хозяин-то наш уехал в город по делам, так что тот хлюпик за главного. Ну иди, не мозоль мне глаза, ведьма.

Заметив у очага суетливого тощего мужичка, неуклюже пытающегося срезать куски мяса для гостей, направляюсь к нему.

– Эй... уважаемый! Уважаемый, не могли бы вы... Черт... Эй, я здесь! Уважаемый!

Чтобы меня заметили, пришлось крикнуть мужичку на ухо. Он от неожиданности подпрыгнул, потом обернулся и испуганно посмотрел на меня.

– З-зачем же ты так орешь!? – взвизгнул он.

– Ты, видать, глухой, вот и приходится орать! Мне нужна комната на ночь и ужин.

– Что? Комната? – переспросил он, поспешно выпрямляясь и принимая важный вид.

– Да, именно комната. У вас остались свободные? – осмотрев полный зал, где было около сорока человек, я поняла, что как раз на свободную комнату мне надеяться и не приходится.

– Нет, комнат уже нет, – покачал головой мужичок. – Все заняты. У нас сегодня много постояльцев. Обычно народу очень мало... Комнат-то всего двенадцать и было. Но сейчас все они заняты.

– Совсем все? Мне хоть чуланчик!

– Нууу... У нас свободен только чердак. Но спать придется под самой крышей, а она протекает маленечко.

– Это я как-нибудь потерплю, – согласилась я. – Сколько с меня?

– Да на чердаке бесплатно. Там хлама за десять лет накопилось, если ты его уберешь, то ужин за так получишь!

– Я согласна! – кивнула я, улыбаясь. Вот это удача в первый же вечер моего одиночного путешествия, и комната, и ужин бесплатно! – С вас ужин и ночлег, с меня расчищенный чердак. Пусть меня туда кто-нибудь отведет, начну прямо сейчас.

– Хорошо, – радостно закивал мужичок. – Эй, Галка! Иди, отведи гостью на чердак, она поможет все разобрать!

С кухни к нам тут же выбежала полноватая улыбчивая тетка. Ее имя вполне соответствовало ее внешности: острый носик, темные блестящие глаза, а иссиня-черные волосы, уложенные в странную, но красивую прическу, напоминали самые настоящие перья.

– Ну наконец-то, хоть кто-то этим займется! – рассмеялась она, подходя к нам. – А ты, бесовестный самодур, тебе лишь бы кого работать заставить!

– Рабочая сила вся перевелась, что же мне делать остается, как не помощи просить? Я вот ответственный за погреб, а стою, мясо отрезаю! Тьфу! – раздраженно взмахнул руками мужичок и вернулся к своему занятию.

– Пойдемте, сударыня, – улыбнулась мне женщина и повела на второй этаж. – Вы на этого задаваку внимания не обращайтесь. Уж больно он важничает, когда хозяин его за главного оставляет!

Поднявшись на второй этаж, мы прошли налево. У самой дальней стены находилась лестница, сколоченная на скорую руку из стареньких досок. Видимо, она вела на тот самый чердак, где мне предстояло работать, а потом и спать.

– Вон там чердак и есть, – пояснила она. – Уж я сама не полезу, мне напрягаться так нельзя. Ты там сама как-нибудь разберись, ладно?

– А там есть кровать?

– Да есть одна, только там матрас пыльный. Но я тебе чистое белье дам и тряпку мокрую, все там вымоешь и будет чудо-комнатка! А простору там сколько будет, если весь хлам убрать!

– Белье и тряпку пусть кто-нибудь принесет, – кинула я через плечо, начиная взбираться наверх.

– Как скажешь! Я Степашку пришлю, он тебе, если что, поможет там. Ты уж извини, мы гостей обычно не затрудняем. Да день сегодня такой суматошный! Все слуги разъехались!...

Взобравшись на чердак, я внимательно осмотрела комнату.

Чего тут только не было! Поломанные стулья и столы, расколотые деревянные миски и подносы, кривые доски, ткани, изодранные до такой степени, что даже на тряпки для мытья полов не подошли... Да много чего еще здесь валялось. Но у всех этих вещей был один замечательный плюс: они все могли гореть.

Бросив сумку на пол, я размяла здоровую руку и принялась расхаживать по комнате, «обвязывая» все ненужные предметы невидимой нитью, по которой потом можно пустить одно-единственное заклинание. Минута ярких вспышек по всей комнате, и останется только подмести пыль и вымыть пол! Как раз убью время до ужина.

Когда на чердак забрался паренек лет двенадцать, я уже закончила оплетать хлам магией.

– Ээм... Госпожа ведьма, я тряпку принес. Сейчас ведро принесу, мы его по веревке поднимем.

– Хорошо, иди за ведром. Вода нам пригодится, а то мало ли... И веник с совком захвати!

Когда ведро, полное воды, оказалось на чердаке, я щелкнула пальцами возле начала «нити». Коротенькие взрывы затрещали по комнате, старые вещи лопались, как мыльные пузыри. Каждый взрыв сопровождался яркой фиолетовой вспышкой, потому я закрыла глаза и себе, и ошалевшему от подобного перформанса пареньку.

– Ну... Вроде бы все так, как должно быть, – решила я, осмотрев комнату после того, как взрывы затихли.

– Ух-ты! – выпалил мальчонка, округлив глаза. – Это что такое было!?

– Магия, – таинственно проговорила я и взяла веник с совком. – Открой-ка окно, а не то мы тут сейчас с тобой задохнемся!

Но на самом деле окно надо было открыть для того, чтобы у меня, коварной ведьмы, было, куда выбрасывать замеченную пыль. Не спускаться же каждый раз вниз, право слово! Так гораздо проще, да и кто узнает?...

– Что ты делаешь!? – в священном ужасе спросил ребенок, увидев, как я выбрасываю черную грязь, оставшуюся от предметов, на улицу под дождь.

– Убираюсь, не мешай. А если побежишь жаловаться – с тобой случится то же самое, – красноречивым жестом выбрасываю очередную горку пыли в окно.

– Ой... точно ведьма.

– Ну так сразу прям, ведьма! – обижаюсь, продолжая ходить по комнате и заметать пыль, пританцовывая на манер Леопольда. – Я, может, добрая волшебница, которая детям за зубы деньги дает, а ты сразу заладил «ведьма-ведьма»!

– Деньги за зубы? – непонимающее сморщился ребенок, усаживаясь на подоконник. – А зачем тебе зубы? Ты их ешь?

– Шучу я так, глупый, – хихикаю. – А тебе по делам идти не надо? У вас же сегодня слуг мало, каждый на счету, а ты тут пропадаешь, мне мешаешь.

– Если я спущусь, меня обязательно заставят что-нибудь делать, – объяснил мальчик. – Я лучше тут посижу. А тебе я не мешаю, тебе так только кажется.

– Ясно все с тобой, далеко пойдешь, – я спрятала улыбку, продолжая подметать.

– А ты правда ведьма? – спросил ребенок через некоторое время.

– Нет, только прикидываюсь.

– Чудная ты...

– Ведьмам так положено. А ты, если не прекратишь болтать, останешься без чаевых!

– А что такое чаевые?

– Деньги, которые некоторые люди дают угодившим им слугам.

– А мне еще их никогда не давали!

– Это обычай принят в очень далекой стране, люди из нее не могли добраться сюда...

– А ты тогда как сюда попала?

– Хэй, это что, допрос!? – возмущенно смотрю на юного слугу.

– Да ладно, ты же странница! Странницы всегда всем все рассказывают, где они были и что видели. Им за это эти... «черевые» дают.

– Я была в таких местах, о которых ты даже не слышал. Но мои байки для слушателей от восемнадцати лет, так что извини...

– А где же ты была? – загорелся мальчик. – Расскажи, ну пожалуйста! А я за тебя все тут уберу! Я так люблю слушать разные истории, особенно от странниц!

– Хммм... А вот это уже разговор!

Устоять перед предложением маленького бизнесмена я не смогла и вручила ему веник с совком. Корячиться с одной рукой мне уже порядком надоело.

– Так что за места такие, о которых я даже не слышал?

– Была я, значит, как-то в Японии, – начала я, усевшись на уже очищенное место. – Безумная страна, надо сказать!... Едят они такие маленькие рулетики из риса, икры, рыбы и водорослей. А едят не как принято, а подцепляют еду двумя тонким палочками. Кроме того...

И меня понесло. Я принялась рассказывать пареньку про старую добрую Японию, которую вряд я ли когда-нибудь еще увижу. Насколько мой рассказ был точен и правдив и не опирался на обманчивые стереотипы? А кому тут вообще какая разница?

После Японии я взялась рассказывать про Африку, о которой сама только читала, затем понарасказывала об Австралии такого, о чем не знали даже сами австралийцы... Я так увлеклась, что совершенно забыла о времени. Когда же я опомнилась, за окном было совсем темно, комната уже давно сверкала идеальной чистотой, старенькая кровать была застелена, а мальчонка сидел на одиноком стульчике и с восторгом внимал моему бесстыжему вранью.

– Ой, и заболталась же я!... – сказала я, поднимаясь с места. – Вот и сказочке конец, а кто слушал молодец! Держи свою собаку, а я ужинать пошла.

– А ты другим свои истории не расскажешь? В зале все бы с удовольствием послушали, и дали бы тебе стоооолько!

– Нет уж, после ужина я спать пойду.

– А может все-таки?...

– Нет, не буду!

Велев пареньку уходить, я достала из походной сумки кошель и положила его в свою другую сумку, поменьше. После, запихав походный мешок под кровать, я направилась к лестнице.

Спустившись в зал, я застала все ту же картину мужских посиделок с выпивкой, едой, картами и, конечно, разговорами. За месяц в поместье я соскучилась по этой атмосфере, мне безумно захотелось присоединиться к какой-нибудь компании, выпить и поболтать о чем-

нибудь... Но такой пустяк, как мой пол, мешал мне это сделать. Бабам в карты играть нельзя, баб здесь ни во что не ставят, и выпить бабам дают только с одной известной целью.

Повздыхав о своей горемычной судьбе, я пошла к мужичку, все еще стоящему у очага и отрезающего куски мяса. Тушка уже изрядно похудела, но мяса хватало еще человек на семь-восемь. Уж на меня единственную точно хватит.

– Я за ужином, – привлекаю внимание мужичка, положив руку ему на плечо. Он опять вздрогнул, подскочил, обернулся и испуганно на меня уставился.

– Кто это!?

– Я это. Мне ужин обещали бесплатно? Обещали. Так вот она я, пришла за ним.

– А? Да, конечно!

– Я посижу вон за тем столиком в углу, туда и принесете. И чего-нибудь выпить мне!

– Эээм... Ну ладно, выпить тоже бесплатно, – нехотя кивнул мужичок. – Скоро будет, ты иди! И спасибо за услугу, а то давно надо было уже там разгрести все, да руки никак не доходили... теперь крышу подлатаем и будем сдавать как покои императорского класса, хе-хе!...

Устроившись в самом неприметном углу, я стала ждать свой ужин, медленно погружаясь в пропитанную жиром и байками атмосферу. Наблюдая за другими посетителями, прислушиваясь к их разговорам, я пыталась предугадать, который из них приведет к драке.

Постепенно дух этого заведения ударил в голову и мне, по телу и в мыслях растеклось приятное расслабление, как после кружки-другой местного эля. Как я заметила, в этом мире у каждого трактира или постоялого двора воздух свой, особенный, как фирменный сорт выпивки.

Так по-особенному горько здесь пахло, так приятно рокотали мужские голоса и трещал огонек в очаге... Все же никакая графская кухня не подарит такого настроения, которое появляется здесь! Чем-то цепляют подобные места, где люди, видящие друг друга в первый раз, могут спокойно сесть рядом, разговориться, выложить что-нибудь интересное из недавно увиденного, поделиться новостями. Радует простота обращения и незамысловатость кухни, даже кошмарные напитки вызывают привыкание, если распивать их в подобных местах.

Трактиры – это лучшее место для встречи, это гостиница, в которой одновременно могут переночевать короли, беглые преступники, стеснительные влюбленные, бродяги, наемники и путешественники. И все они перемешиваются, превращаются в единую массу, кричащую «комнату!», «выпивки!» и «чего-нибудь пожрать!». Все их рассказы и даже неаккуратно брошенные слова сливаются в реки информации, перетекающие от трактира к трактиру, и так по всему миру. Уверена, владельцы подобных мест могут написать ни одну книгу из известных им историй, прошедших сквозь их трактиры. Если бы только эти хозяева умели писать...

– Вот тебе ужин, как и договаривались, – из раздумий вытащил меня голос знакомого мальчишки. Он принес мне еду.

– Спасибо, – ответила я, пожирая взглядом дымящийся кусок мяса и завалившуюся по краям миски тушеную капусту. – Можешь идти!

– Ага, – кивнул Степашка и побежал к одному из столов, где сидела развеселая стайка любителей продуть в карты.

Мне стало интересно, чем это совершенно обыкновенная компания шулеров так привлекла внимание парнишки. Уплетая свой ужин, я не сводила глаз со столика напротив и слушала, о чем там говорят.

– А к нам путница приехала, сказки такие рассказывает! В таких она странах была интересных! – начал было мальчишка.

– Да врут все эти путницы, Степан. Врут красиво, сразу так сказочно делается... Да реальность она уж если опасна, то в сто раз опасней любой сказки, а если прекрасна, то в тысячи раз лучше любого сладкого вранья бродяжек, – философски изрек один из разбойников. Он

был в щеголеватом красном плаще и с ярким цветастым платком, закрывающим все, от носа до груди. Видимо, он приехал из каких-то теплых стран, из того же Ишимера, может. И каким лешим его сюда занесло, интересно знать?

– Да сказок у нас и здесь хватает, без всяких путниц, – согласился второй, который был в старом серо-зеленом плаще и широкополой шляпе с рванными кое-где краями. При одном только взгляде на него в голове сразу начинало вертеться словосочетание «старый жулик». – Говорят, какой-то чокнутый рыцарь с месяц назад расправился с единорогом из Северного леса. И, что самое удивительно, этот безумец остался жив, но исчез бесследно, оставив всю ценную добычу охотникам-слевитам! Неужели благородства ради?... Хотя и те вышли из леса с пустыми руками, ничего никому не рассказывали после, все с кислыми рожами ходили. Сказали лишь местным, что лес проклят и зверь здоровый пойдет лишь к следующему лету. Жителям нынче туго, уж лесным слевитам не верить – дураков занятие. А об рыцаре и не слыхать ничего. Вот оно как.

– Да брешут это все! – прокаркал другой мужик, лицо которого тоже скрывала шляпа. Только у этого на шляпе было немного осыпавшееся перо – верный знак того, что третий говоривший моложе второго. – Ни один единорога голыми руками не завалит. Уж если три десятка слевитов боялись его, то как один управится, будь он хоть сто раз черный дракон!? Да и какой рыцарь нынче свалит без платы? На кой ему тогда горбатиться было?

– А вот, как видишь, люди по грибы да по ягоды ходят, никто их не трогает боле, – пожал плечами. – Видать, и вправду рыцарь какой поработал. Они уж ребята отчаянные, за смертью в Орден пришли, вот и ищут ее всюду... А почему денег не взял... Не могу знать.

Я криво улыбнулась. Жаль Дейка тут нет, ему бы польстили эти рассказы. Благородный рыцарь, во имя одних только добрых намерений сразивший опасного зверя, на которого и тридцать слевитов боялись идти! Попахивает как минимум новой легендой... Дейку бы очень понравилось.

Однако, мысль о том, что рыцаря нет рядом и, возможно, больше не будет, стерли с моего лица улыбку. Стало ужасно жалко себя. Сiju тут, совсем одна, случись со мной что, никто и не вступится за ведьму. Возможно, в таких вот вечерах и пройдет вся моя оставшаяся жизнь, как только я сниму с Дейка клятву.

Я сидела и рассуждала о своей незавидной судьбе, пока народ вокруг не начал потихоньку буянить. Раздавались резкие крики, просьбы о выпивке или мясе становились все грубее... сейчас начнется, пора отсюда уходить.

Прежде, чем отправиться в комнату, я вышла во двор чтобы подышать ночным воздухом и сходить по делу. Стоило выйти из-под навеса, противный дождь тут же намочил волосы, они облепили лицо, а стройки воды затекли за рубашку.

Быстренько пробежав под дождем, я заперлась в деревянном сортире, слушая, как дождь щелкает по крыше. Вскоре шум дождя разбавили чьи-то тихие шаги, но дверь второй кабинки так и не хлопнула. Может, лентий просто не дошел, какое мне дело?...

Потуже застегнув ремень на поясе и натянув шляпу чуть ли не до носа, я вышла наружу. Но не успела я и шага сделать, как мне в лицо полетел песок. Чьи-то руки схватили меня и толкнули в сторону. Я опомниться не успела, как оказалась прижатой к стене. Пальцы в толстой перчатке сдавали рот, а к животу прижалось что-то холодное.

Сосредоточившись на здоровой руке, я попробовала отправить в незнакомца добрый залп огня, но магия не слушалась. Мир постепенно блекнул... Песок, который в меня кинули, наверняка был дрянью, которая лишает магии. Что ж, как бы не так, умник, ты не знаешь, с кем связался!... Я обратилась к левой руке, ее тут же окутал синий туман, с жадностью потянувшийся за чужой жизненной энергией.

Все это произошло не больше, чем за пару секунд: я даже промычать ничего не успела. Разумеется, я не умела выпивать из обычного человека столько жизненной силы, чтобы навре-

дить ему, но оставалась надежда на то, что он хотя бы испугается. Однако, испугаться пришлось мне, потому что холод, который касался живота, оказался вовсе не кинжалом, и даже не оружием. Незнакомая магия поползла дальше, пока не свернулась шипастым кольцом возле сердца. Я послушно заставила левую руку погаснуть.

– Я задам тебе только один вопрос! – угрожающе пророкотал незнакомец в черном плаще. По его голосу я поняла, что он настроен очень серьезно. – Зачем ты здесь!?

Он разжал пальцы, позволив мне говорить.

– В туалет захотела! – пискнула я, испуганно всматриваясь в темноту под капюшоном.

– Я спрашиваю не об этом! – рыкнул он, и я почувствовала первый укол в сердце. Словно на миг парализовало легкие, выбив из легких воздух.

– Меня послали найти ключ! – ответила я. В голову совершенно не приходило, что от меня мог хотеть убийца в темном плаще. Были бы это люди Адольфа, они бы со мной не говорили, но кто еще это может быть!?

– Кто тебя послал!?

– Лорен Сеймур!

Вдруг незнакомец отпустил меня. Змея, караулившая мое сердце, ослабила свои кольца, и я смогла вздохнуть полной грудью.

Коленки тряслись от ужаса, руки дрожали, я не могла поверить, что все обошлось.

Незнакомец в плаще стоял напротив меня еще секунду, а потом развернулся и быстро пошел прочь.

Я осталась на месте и молча провожала его взглядом, мне и в голову не пришло бы лезть к нему с вопросами... но тут поднялся ветер и сдул с незнакомца капюшон. В свете фонаря я увидела белые, как слоновая кость, волосы.

– Арланд!? – воскликнула я.

Инквизитор вздрогнул и обернулся. Его взгляд нездорово заблестел, как у загнанного животного, он еще решал броситься бежать или растерзать угрозу на месте. Что бы с ним не творилось, он был не в себе. Сильно не в себе.

– Это же я! – крикнула я, надеясь вызвать в нем хоть какие-то человеческие чувства. – Что происходит!?

Его лицо изменилось, он посмотрел на меня с таким сожалением, словно извинялся за ужасное преступление. Разведя руками, он хотел было что-то сказать, но вместо этого развернулся и кинулся прочь, в сторону леса. Я бросилась за ним.

Нужно было привести его в себя, пока он что-нибудь не натворил! Я просто не могла оставить его в таком состоянии.

Я неслась сломя голову, разбрызгивая сапогами грязные лужи. Шляпа слетела, дождь заливал лицо, но я бросила все силы на то, чтобы не упустить из вида быстро удаляющуюся темную фигуру.

С рукой, которой не могла толком балансировать, я никогда не догнала бы его, но, похоже, само проведение было на моей стороне: длинный плащ инквизитора зацепился за кусты у самого входа в лес.

– Оставь меня в покое! – крикнул Арланд, изо всех сил стараясь вырваться, но плащ, увязший в кустах, не давал ему сдвинуться с места. Снять его он не мог: впервые замки на одежде сыграли против него.

– Да что с тобой!? – воскликнула я, продираясь сквозь кусты. Свой собственный плащ я предусмотрительно держала в руках.

Когда я оказалась возле инквизитора, он вздумал швырнуть в меня какой-то гадостью из белого пламени, но я вовремя отскочила. Молния впиталась в землю, оставив после себя только едкий дымок.

– Я помогу тебе выпутаться! – крикнула я. – Угомонись!

Арланд замер, тяжело дыша. Мокрые волосы облепили его лицо, вода струями стекала по подбородку. Когда я приблизилась и стала выпутывать плащ из кустов, мне казалось, что он сейчас зарычит на меня, как волк, которого охотник освобождает из капкана.

– Вот и все, – сказала я, отступая на шаг. Теперь инквизитор был свободен, но бежать дальше, кажется, не собирался.

– Зачем ты преследуешь меня? – угрюмо спросил он.

– Дался ты мне! – воскликнула я, утирая собственное лицо мокрым рукавом. – Ты сам подкараулил меня! Зачем ты мне угрожал, не хочешь сказать!?

Если бы Дейк оказался прав и все это время инквизитор только и ждал удобного случая, то я бы уже не разговаривала. Но он отпустил меня и бросился бежать сам, словно это я тут злодей, а он несчастная жертва. Здесь происходило что-то совсем другое.

– Я думал, ты знаешь о том, о чем никто знать не должен, – сказал Арланд, покосившись в темный лес. – Бэйр, не задавай мне вопросов, если хочешь жить. Ни одного.

– Не буду, – пообещала я. – Пойдем обратно в трактир, иначе оба помрем от простуды!

Арланд истерически рассмеялся и помотал головой. Однако, когда я сделала шаг в сторону постоянного двора, он все же последовал за мной.

Пока я шла, спину неприятно жгло предчувствие, что в меня может прилететь очередная молния, но этого так и не произошло.

Когда мы завалились в зал, все мокрые, на нас тут же уставились.

– Горячего эля обоим! – крикнула я застывшему у очага мужичку. – Кто будет пялиться, оставлю без глаз! – грозно рявкаю в зал.

После такого крика у меня запершило в горле, захотелось закашляться, но я удержалась. Вскоре все любопытные глаза вернулись к своим делам.

Мы уселись за стол, который был поближе к очагу, чтобы просохнуть. Арланд принялся расстегивать многочисленные замки на своем мокром плаще. К моменту, когда он, наконец, избавился от него, нам принесли горячий эль.

Я уже сбросила с себя все, что могла, и теперь расчесывала пальцами волосы, выжимая на пол струи воды. Высушить бы их...

– Вернешь мне магию? – спросила я у Арланда.

– Через пару часов сама вернется, – устало сказал он, грея руки о теплую кружку.

Я открыла было рот, но инквизитор поднял руку.

– Никаких вопросов! – предупредил он. – Ни единого.

Я послушно умолкла. Мы молчали, потом Арланду принесли ужин – он был сильно похож на человека, которому не помешает горячее.

– Я не собирался охотиться на тебя, – сказал он вдруг, вперив в меня угрюмый взгляд. – Я с первого дня знал, кто ты, Ведьма с Равнин, и даже пальцем тебя не тронул.

– Я знаю, что ты не причинил бы мне вреда. Поэтому пошла за тобой в лес, – я взглянула на него, давая понять серьезность своих слов. – Дейк с первого дня предупреждал меня, что ты опасен, но все же я пошла за тобой. Понимаешь?

Наши взгляды встретились. Несколько долгих секунд мы смотрели друг на друга, пока лицо Арланда не смягчилось.

– Мы не враги, – повторила я, следя за его глазами.

– Друзьями нам тоже не быть, – ответил инквизитор, ожесточенно отвернувшись.

Передо мной сидел совсем не тот человек, с которым я мило болтала в библиотеке. Я не могла знать, что творилось у Арланда в голове, но я видела, что ему было плохо. Он был на грани.

– Я хочу помочь, – сказала я. – Я вижу, что тебе нужна помощь.

– Ты мне не поможешь, – тихо ответил инквизитор, опуская взгляд на стол. – Ты и себе помочь не в состоянии, – он раздраженно поморщился, потом поднял на меня злой взгляд. –

Что с тобой стало, великая ведьма? Ты, гроза трех столиц, не способна даже свечку поджечь, не истратив половину резерва!

– Мне отшибло память, – сказала я, смотря на него без тени стыда. – Я ничего не помню, кроме последних пары месяцев, ясно тебе? Даже собственное имя мне сообщили другие люди. Я учусь жить заново.

– Это... многое объясняет, – проговорил он, все еще хмурясь.

– У тебя при себе трубка? – спросила я, чувствую подступающее желание немедленно закурить.

Инквизитор молча достал из своей сумки трубку, набил ее и поджег, поднеся к табаку уголек, который вытащил из очага. Видимо, толстые перчатки отлично защищали от жара.

Приняв от него костяное сокровище, я блаженно затянулась. Точно курила раньше, больше никаких сомнений...

Арланд уже поел, откинулся на спинку стула, и, скрестив руки на груди, искоса наблюдал за мной.

– Далеко тебя послал дядя? – наконец, спросил он.

– Он сказал, что место в трех днях пути отсюда.

– Я поеду с тобой, – сказал Арланд, всем своим видом давая понять, что не хочет этого делать.

– Я согласна взять тебя в попутчики, – я улыбнулась, стараясь выпустить кольцо дыма. Надо же, с первого раза получилось!...

– Завтра с рассветом встретимся на этом месте. А сейчас я пошел спать.

Сказав это, инквизитор поднялся со своего места и направился к лестнице. Я провожала его взглядом, пока он не скрылся на втором этаже.

Интересно, увидимся ли мы завтра? Или он не справится с чем-то, что заставило его кинуться от меня в чашу, и все-таки сбежит?

Допив свой эль и докурив трубку, я отправилась спать.

Только оказавшись в кровати я позволила себе закрыть глаза руками и несколько минут полежать, переводя дух. В зале я держалась, но после того, что случилось на заднем дворе, у меня были такие ощущения, как будто я только что вышла из клетки с разъяренным львом, чудом оставшись целой. И день, когда хищник вздумает порвать меня на части, все еще может наступить гораздо раньше, чем день, когда я смогу погладить его по головке.

И зачем я на это подписалась, спрашивается? Шел бы он в свой лес выть на луну, помер бы через пару дней от воспаления легких... тоже мне, мать Тереза! И что меня вечно тянет ко всякой нечисти!?

Но как я ни старалась убедить себя в том, что происходящее – результат моей неумной глупости, в душе я чувствовала, что ни за что не поступила бы иначе. Поперлась бы за ним не только в лес, к черту на куличики бы отправилась как миленькая, только увидев этот взгляд, полный смертельного отчаяния! И за Леопольдом бы отправилась. И за Дейком.

Уткнувшись лицом в подушку, я думала об этом, пока не уснула.

Утром Арланд ждал меня на назначенном месте, готовый к дороге.

Клятвы

Дейкстр Донан

Дождливая погода неизменна в поместье Сеймуров. Что ни день, то обязательно дождь. Осенняя промозглость намертво въелась в местную природу, даже сейчас, в разгар лета, приходится топить камины и одеваться в шерстяное. Думаю, сырость и холод – еще одно проклятье, которым когда-то обзавелось это жуткое место.

Но так нелюбимый мной холод не единственная причина, по которой я начинаю ненавидеть поместье. Чем больше я изучаю здешних жителей, тем больше понимаю, что всех связывает не только прочная сеть из вранья и недомолвок, но и кое-что жуткое, что преследует замок и сам род, возможно, от самого его начала. Чем глубже я прохожу в бесчисленные коридоры подвалов, тем яснее чувствую это. Это проклятье, которое пока спит и потому действует на жителей так же, как спящий дракон на деревню поблизости. Пока вокруг просто тихо, но, когда наступит момент пробуждения, настоящий дракон покажется Сеймурам куда меньшим бедствием, я уверен.

И нечто в подвалах уже начало просыпаться. Хотя я еще не заметил ни одного признака проклятого места, я уверен, что не ошибаюсь. Моя последняя находка стала неоспоримым доказательством того, что в поместье гораздо больше тайн, чем я мог предположить, переступая через гостеприимный порог.

С тех пор, как Бэйр объявила себе приключенческую голодовку, я заскучал. Проводить все время с ведьмой я просто физически не мог, ее вид мне уже опостылел. Несколько месяцев я каждый день вижу ее лицо, мне просто нужен был отдых.

Еще до того, как меня потянуло исследовать подземелья, я решил подыскать себе женщину на время, пока мы тут. Женщины вообще здорово отвлекают от чокнутой ведьмы, которая при их долгом отсутствии начинает казаться симпатичной.

Сначала мой выбор пал на Тому, бесспорно, красивейшую женщину в поместье. Пусть она старше, но что с того? Меня смутили ее огромные уши, которые я увидел, когда случайно подглядел за ней в ее комнате. Нет, очаровательная лопухость или просто большие уши не испортят такую женщину, но огромные, сантиметров в двадцать слушалки, которые к тому же и торчат в стороны, убили во мне всякое желание продолжать ухаживания. Я отказался от идеи покорить ее ледяное сердца, теша себя мыслью, что дело в ушах, а вовсе не в том, что я был бы послан, как только попытался бы.

К счастью, мое самолюбие страдало недолго. Когда разъяренный Лорен пообещал выставить меня из поместья, если я еще хоть раз посмотрю на служанок, стало ясно, что Тома заметила мои подглядывания и поспешила пожаловаться своему главному защитнику. Я догадался, что прекрасная нелюдь занята, и именно поэтому не может оценить все мои достоинства. Мое самолюбие было исцелено.

Что ж, Лорен оказался совсем не таким простаком, каким я его считал. Мне, в общем-то, ни до него, ни до его ушастой любовницы дела больше не было.

Как в итоге выяснилось, развеять мою тоску готовы были две молоденькие служанки: Маргарита и Марта. Немного пообщавшись с ними, я решил, что Марта нравится мне гораздо больше и остановил свой выбор на ней. После двух дней ухаживаний у нас случилась первая ночь, а потом у меня уже не хватало на Марту времени, потому что я занялся изучением подвалов.

Помню, сначала я нашел одну только маленькую дверцу и из любопытства решил посмотреть, куда она ведет. Как выяснилось, вела она в подвалы, огромные лабиринты под поместьем. В первую вылазку я не нашел ничего интересного, но на следующий день что-то снова потянуло

меня вниз. Исследование подвалов удивительно сильно меня увлекло, я с огромным интересом спускался туда, даже не понимая толком, что ищу.

Все это напоминало детскую игру. Когда-то еще мальчишкой я залез в погреба аббатства, и это стало настоящим приключением: гигантские бочки, незнакомые инструменты, запасы еды... тогда мне все это показалось очень интересным.

Теперь и я сам, и лабиринты, в которых я очутился, оказались больше. Когда я вдруг начал находить по-настоящему странные вещи в давно заброшенных комнатах, меня было уже не вытащить оттуда. Я открывал замок за замком с помощью спиц, которые мне дала Марта, пролезал в узкие щели, разгребал завалы. К тому времени, когда я открыл свою последнюю комнату, я прошел уже так далеко, что пришлось рисовать карту, чтобы не заблудиться.

Последняя найденная комната отличалась от предыдущих. Собственно, потому она и стала последней: я понял, что мои исследования небезопасны.

Прочие помещения, находящиеся в лабиринте, пустовали, а здесь оказались старые, непонятно кому принадлежащие вещи и мебель, расставленная как в жилой комнате.

Как сейчас помню жуткую обстановку: изрезанный кем-то деревянный стол у стены, исписанной черными каракулями узорами, железная кровать с пугающими темными пятнами на измятых и изорванных простынях, на полу валялись старые книги и страницы, вырванные из них. Книга, лежащая на кровати, была открыта на определенной странице с закладкой, в кружке на столе была затхлая, еще не испарившаяся вода, на тарелке – остатки давно сгнившей пищи. Все выглядело так, как будто кто-то жил здесь несколько лет назад, но потом вдруг ушел, оставив все, как было при нем, даже не убравшись.

Это было жуткое зрелище. Комната как будто прыгнула во времени, оставив своего хозяина где-то в прошлом. Только что он был тут, ел и читал книги, и вот, спустя несколько мгновений лет, он исчез.

В комнате было две двери, через одну из них я вошел, но куда вела другая, я так и не узнал.

Когда я собирался идти дальше, уже достал спицы для взлома, по ту сторону второй двери вдруг послышалось низкое утробное рычание, как будто гигантская псина предупреждала меня о том, чтобы я не смел соваться к ней.

Я послушался и прекратил попытки взломать замок, стал ждать.

Лишь когда зверюга начала раздирать когтями дверь в комнату, до меня дошло, что она не охранник, а хозяин здешних мест, и если я не уберусь с ее владений, то мой конец наступит гораздо скорее, чем я бы того хотел.

В тот день я твердо решил, что больше не сунусь в подземелья и не стану докапываться до чужих тайн. Колдовские зеркала, пентаграммы, странные комнаты, а теперь еще и гигантский пес, бегающий по подземельям... Где бы я не начинал копать, отовсюду вылезают жуткие секреты поместья. Я сильно рискую, пытаюсь понять, в чем здесь дело, и этот риск не оправдан. Мне никто не обещал платы, моей жизни и жизни моей ведьмы ничто не угрожает, а это значит, что мои поиски бесполезны и незачем продолжать их.

Вроде бы эти здравые мысли должны были успокоить меня, но я не мог выбросить подвалы из головы. Чем больше я убеждал себя в том, что возвращаться туда не только бессмысленно, но и опасно, тем больше мне хотелось вернуться.

Спустя время я догадался, что мои желания – это отпечаток того мистического дерьма, в которое я все-таки вляпался. Меня как загипнотизированного мышонка тянуло в капкан, и я понимал, что это ненормально.

Когда я рассказал все Бэйр, она решила сделать из меня своего подопытного. Сходила со мной в поле, нарвала чахлах травок, сварила зелье, чуть не спалив кухню, и заставила меня выпить все варево до последней капли. К моему огромному удивлению, я даже не отравился.

Более того, навязчивое желание вернуться в подвалы исчезло. Иногда из больной головы этой ведьмы действительно вылетало что-то полезное.

Где-то после семи дней, проведенных в подвалах, обиженная Марта выловила меня после очередного завтрака и попросила объяснить, почему в наших отношениях такое оскорбительное затишье и почему я совсем не уделяю ей внимания.

К сожалению, опыта подобных разговоров с женщинами у меня нет, обычно я всегда успеваю смотаться до того, как они просыпались и понимали, что хотят от меня детей. Потому, когда встал резкий вопрос о женитьбе, я, мягко говоря, растерялся. От удивления я даже не смог ничего возразить, чем чуть не обрек себя на пожизненные муки... Но Марта, к счастью, не стала слишком на меня давить и предложила пока просто привыкнуть друг к другу и проверить, подходим ли мы для совместной жизни.

Процесс привыкания, хотя скорее приручения, оказался достаточно приятным.

Мы с Мартой часто разговаривали за совместной работой по приготовлению к празднику, старались узнать друг друга, проводили вместе много времени. Ради общения с Мартой я даже стал реже спускаться в подвалы и совсем задвинул на Бэйр, хотя забывать все свои дела ради женщины для меня не в привычке. Но, если подумать, совсем не удивительно, что Марта меня так зацепила.

Впервые кто-то интересовалась моей жизнью. Она с такой серьезностью изучала мои привычки, характер и нужды, как будто правда думала, что всю оставшуюся жизнь мы проведем вместе... впервые это все кого-то устраивало. Она даже заботилась обо мне, как полагается заботиться о мужьях, что для меня было совершенно удивительно. Например, как-то Марта потребовала, чтобы я принес ей всю свою одежду, а потом взяла и перештопала все дырки, пришила недостающие пуговицы и за свою работу ничего не попросила. Она часто готовила что-нибудь особенное только для меня одного, а когда у нас было время, она устраивала скромные вечера в старой беседке в саду. В такие вечера Марта распускала для меня свои прекрасные волосы и снимала передник, чтобы разделяющая нас пропасть исчезла. В такие вечера она уже не казалась мне простой служанкой, о которой я забуду через пару дней разлуки, и себя самого я уже не чувствовал проезжающим мимо наемником, которому стало скучно. Тогда, в этой беседке, мы становились другими, а наша случайная встреча казалась судьбой.

Я не заметил, когда это со мной случилось. Не осознавая глупости своих рассуждений, я всерьез начал задумываться о том, как закончу свое холостяцкое существование и начну новую жизнь с этой очаровательной девушкой. Мне казалось, что как только я смогу избавиться от ведьмы, я обязательно вернусь в поместье, заберу отсюда Марту и...

Разом все это рухнуло. Моя голова прочистилась, меня вытряхнуло в реальный мир, где нет женщин, из-за которых я смогу потерять голову. Точнее, в мире, куда я вернулся, таких женщин уже не было.

Марта умерла от болезни, о которой она даже не рассказала мне, а в ее тело вселилось приведение.

Так погано я еще никогда себя не чувствовал. Глупец, слюняй, зеленый мальчишка, который так ничему и не научился... я готов был бить себя по щекам за то, что испытывал эту боль. Кто знает, может быть, если бы Марта просто умерла, я бы еще смог выкинуть ее из головы со временем, но я позволил себе привязаться к ней. И теперь, когда рядом ходит живая и, на первый взгляд, прежняя Марта, мелькает перед глазами, раздражая чувства, мне тяжело воспринимать происходящее правильно. Я знал, что это не она, но черти бы меня драли, как же мне было плохо!

Когда разобиженная Бэйр гордо вышла из комнаты, оставив меня с Дороти и странным типом в балахоне, я не почувствовал ни малейшего укола совести. На ведьму я был сильно зол уже за то, что она не поняла, как мне тяжело. Ладно остальные, но она, которая была мне

уже, как младшая сестра... Эгоистичная девчонка с ветром в голове, не захотела понять. Ей просто не было до меня дела.

Хотя ведьма ушла, раздражение и злость после нашей короткой ссоры не покидали меня еще долго. Мне полегчало только когда подвальный сумасшедший вывел нас с Дороти из подземелий в лес.

Леопольд, воспользовавшись своими звериными тропками, быстро привел нас к дому Сарабанды, где мы провели около часа за чаем и разговорами. После наших объяснений старушка согласилась оставить Дороти у себя до того момента, пока мы с Бэйр не покинем поместье. Казалось, то, кем является Дороти, старушеницу совсем не беспокоило. Сарабанда расспрашивала нас о делах в поместье, о самочувствии Меви и о подготовке к празднику. Когда мы выложили все, что ее интересовало, старушка вежливо выставила нас с Леопольдом за порог, велев не возвращаться до тех пор, пока мы не будем готовы забрать Дороти. То есть, навещать тело Марты мне запретили... и, скорее всего, правильно сделали.

Когда нас с Леопольдом выгнали в чистое поле, шел дождь и дул сильный ветер, принося холод с реки.

Я промок уже через минуту, но холода совсем не чувствовал. Вместо того, чтобы где-нибудь укрыться, я отправился в поле, где мокрая трава доходила мне до пояса. Пробираясь через заросли, как через холодную реку с водорослями, я старался подавить в себе нарастающую печаль. Теперь, когда ни Дороти, ни Бэйр рядом нет было, она почему-то решила проявиться в полной мере.

– Вселенская скорбь и так далее, но, может, ты скажешь, зачем мы идем к реке? – вдруг раздался за моей спиной голос Леопольда, о котором я совершенно забыл.

– Зачем ты идешь за мной? – раздраженно спросил я, перекрикивая ветер и дождь.

– А куда мне еще идти? Я должен отвести тебя обратно! Тем более, ты ведь идешь топиться, а если ты утопишься, то Бэйр очень расстроится. Я не хочу расстраивать ее! – крикнул этот чудаковатый сквозь ветер.

– Что? Да не иду я топиться, я просто гуляю!

– Ага, в такой холод только гулять! Нет, ты наверняка идешь топиться. Лучшей погоды для самоубийства просто нет, а учитывая обстоятельства с твоей Мартой...

– Мне не смешно, Как-тебя-там-в-балахоне. Оставь меня в покое!

– Да ты вообще какой-то угрюмый, – согласно кивнул чудик. – Пошли лучше ко мне, у меня тепло и есть еда.

– Приглашаешь меня? А куда, интересно знать?

– К себе домой, конечно.

– Нет, спасибо.

– У меня есть вино из запасов деда.

– Ну черт с тобой, веди.

Пожалуй, хорошее вино это то, что мне сейчас просто необходимо. В поместье его не допросишься: Тома стережет погреб, как волчица. А если этот чудак предлагает мне его за так, то грех отказываться. Тем более, мне сейчас нужно отвлечься, а ничего покрепче я в этом проклятом месте точно не отыщу.

До дома Леопольда идти было не так уж и далеко, как выяснилось, но за время пути мы оба насквозь промокли. На моей одежде не осталось ни одного сухого места и даже в сапогах хлюпало. Если поначалу я и не чувствовал холода, то теперь ощущал его даже слишком хорошо. Серый балахон мокрой тряпкой облепил тощее тело нелюдя, идущего впереди, и у меня свербело в горле при одном только взгляде на него.

Мы, наконец, добрались до небольшой землянки, которая оказалась лишь частью достаточно просторного дома под землей. Леопольд уже трясся так, что, казалось, даже воздух вокруг него вибрировал.

– Если я заболею, во всем будешь виноват ты! – выругался он, клацая зубами, и бросился к своей странной гардеробной.

– Расскажу об этом на исповеди батюшке, – фыркнул я, стягивая с себя мокрую одежду и развешивая ее на перилах лестницы, ведущей вниз.

Ставив с ближайшего кресла старый плед, я замотал его вокруг пояса, и спустился вниз, осматривая место, где оказался.

Сумасшедший очень даже неплохо устроился, даже получше, чем иные богачи. Видимо, этот олух не такой уж и олух, раз смог построить себе такой хороший дом.

– А ну сними, я на этот плед лицом ложусь! – возмущенно потребовал Леопольд, выглядывая из-за своего гигантского шкафа, который стоял между нами. – У меня здесь есть пара рубашек и даже штаны. Только я не уверен, совпадут ли наши размеры, ты ведь такой низкий и толстый... На вот, держи, – в меня полетели скомканные вещи, которые я умудрился поймать на лету. – Ты пока переодевайся, а я сварю кое-что.

Леопольд вылетел из-за шкафа в таком же сером балахоне, в каком был, только теперь в сухом. Подбежав к своей кухне, он принялся шуметь посудой и вытаскивать что-то из ящиков.

Пройдя в импровизированную гардеробную, я с удивлением отметил, что на стене висит огромное, во весь рост нелюдя, зеркало, а в шкафу не только балахоны, но и вполне себе приличные костюмы. По последней агирадской моде, такие заказывают в столице за безумные деньги.

– Откуда у тебя эта одежда? – спросил я, переодеваясь в одолженные мне вещи.

– Сшил, – ответил Леопольд, продолжая греметь чем-то на кухне. – Когда-нибудь я выйду в люди и тогда мне надо будет хорошо выглядеть.

– Ты умеешь шить? И где же ты научился?

– Мать научила продевать нитку в иголку, а потом я наблюдал за служанками в долгие зимние вечера. Как-то решил попробовать что-нибудь сделать, стащил книгу со схемами, ткани и нитки с иглами. Сначала получалось не очень, а теперь мне нравится, – похвастался он. – Иногда я играю с тройняшками в домового. Они оставляют мне ткани, нитки, иглы, свои мерки и схему понравившегося им платья в определенном месте, а я это все забираю, шью, и потом готовое платье кладу на то же самое место. Они очень радуются.

– Делать тебе нечего, – проворчал я. – С такими способностями ты бы мог заменить целую мастерскую и грести огромные деньги! В любом городе тебе цены бы не было, а ты тут торчишь.

– А куда мне идти? Я нигде кроме поместья не был и ничего не знаю, – он пожал худыми плечами. – Садись, все скоро будет готово.

Выйдя из-за шкафа, я увидел, как Леопольд откупоривает бутылку вина.

Что ж, вот это дело!...

– Э, ты куда вино выливаешь!? – возмущаюсь, глядя на то, как Леопольд выплескивает все содержимое бутылки в ведро.

– В котелок, чтобы подогреть. Сейчас кое-чего добавлю, такая вкусная штука получится! Согревает очень хорошо.

– Вино только портишь, – хмыкнул я, усаживаясь за стол. – Ты этого от Бэйр понахвастался? В смысле, хватать все что плохо лежит, кидать в котел, а потом отпаивать кого-нибудь своими варевами?

– Да нет, я сам так всегда делал, – пожал мокрыми плечами Леопольд. Волосы он отжать забыл и потому вода с них намочила всю его спину.

Только сейчас я заметил, какие же они у него длинные. Похоже, он не стригся ни разу в жизни.

– Твоя мать – Тома, верно? – спросил я, спустя некоторое время молчания.

– Да, это так, – нехотя подтвердил Леопольд.

– Это она учила тебя, что стричься нельзя? Она – леннай?

– Она говорила, что волосы должны быть длинными даже у мужчины. Ведь срезать их, часть своего тела, все равно, что срезать часть своей души и выкинуть, – кивнул чудак. – Она не леннай. Какая-то полукровка, на шесть частей человек.

– Но уши у нее, конечно... Она похожа на леннай, но у них нет таких ушей! Она из Воюющих Королевств?

– Я не знаю. И вообще, не трогай мою мать!

– Мне просто любопытно, – я пожал плечами. – А почему она тебя спрятала?

– Я не знаю, почему, – ответил тоном человека, давно смилившегося со своей грустью, и так и не прекратил возиться с посудой. – Она очень боялась того, что сделала, боялась признать моему отцу и боялась за семью, которая ее вырастила... Возможно, из-за страха она так и поступила... Я не люблю говорить об этом. Раз так хочешь спрашивать, спрашивай о чем-нибудь другом.

– Хорошо. Ты говоришь, что ты – рожденное проклятие Сеймуров, так?

– Да. Можно все-таки оставить тему моего рождения!? – он недовольно обернулся.

– Нет, не можно. Ты знаешь что-нибудь о других проклятиях? Есть еще что-то или кто-то, кого скрывают Сеймуры?

– Почему ты спрашиваешь? – насторожился Леопольд.

Он обернулся и внимательно посмотрел на меня своими странными, но, бесспорно, красивыми глазами. Серый цвет у зрачка – определенно от Лорена, а изумрудная зелень по краям – от Тома. Никогда не видел ничего подобного. Леопольд определенно очень сложный и опасный нелюдь, даже если прикидывается безобидным дурачком.

– Я спрашиваю, потому что хочу знать, – объяснил я, все же отводя взгляд от лица оборотня.

– Извини, волосы намокли, я их убрал, – поспешно отвернулся он, попытавшись вернуть мокрую челку на место. Безрезультатно. – Ты спрашиваешь из любопытства или подозреваешь меня в чем-то?

– Я не знаю, в чем тебя подозревать. Но я исследовал подземные лабиринты поместья и наткнулся на множество странных вещей. Особенно меня заинтересовала комната, в которой кто-то жил несколько лет назад. За дверью этой комнаты находилось большое животное. Ты ведь знаешь об этом?

– Что?... И ты его видел? – обеспокоенно переспросил Леопольд. – Я, когда был маленький, тоже исследовал те лабиринты и нашел комнату, о которой ты скорее всего говоришь. Там никого не было уже кучу лет, но в ней явно кто-то жил. А потом я наткнулся на то животное, о котором ты говоришь... Знаешь, я никогда еще так не пугался! От страха я даже не запомнил, как оно выглядело, но точно помню, что оно огромное. Оно живет в лабиринте и иногда выходит в лес через неизвестные мне ходы. Я никогда не хожу по подземельям под поместьем и не гуляю ночью в лесу, потому что боюсь столкнуться с ним. Я ничего о нем не знаю и никогда не слышал, чтобы Сеймуры упоминали о нем в разговорах.

– Значит, мне не почудилось. Уже что-то, – произнес я, обдумывая слова нелюдя. Вот объяснение тому, что люди не селятся вокруг поместья. Твари, вызванные Дороти, не единственная угроза, рыскающая по лесу. – Скажи, а где ты жил, когда был маленький? Наверняка не здесь.

– Нет, я жил прямо под комнатой моей матери. Точнее, вход в мой коридор находился в комнате матери. Это очень далеко от того места, где живет чудовище.

– Хорошо. Значит, с тобой та комната, которую я нашел, не связана?

– Нет. А ты что, думаешь, будто это я превращаюсь в монстра и бегаю по лабиринтам? – удивился он. – Нет, вовсе нет! Я мог бы превратиться в такого же, если бы смог лучше его разглядеть. Но обращаться в то, чего я не видел, я не могу... Все, вино готово!

Сняв с помощью тряпки котелок с очага, Леопольд осторожно разлил ароматный напиток по кружкам, затем поставил их на стол вместе с корзинкой печенья.

– А чего-нибудь посуше нет? Я тебе не барышня-сладкоежка, – морщусь.

– Есть суп из грибов и зайцев. Хочешь?

– Хочу, – киваю.

– Я тогда его сейчас поставлю греться, – кивнул Леопольд.

Он быстренько сбегал в подвал-кладовку, а вернулся с котелком. Подвесив его над огнем, Леопольд сел обратно, прихлебнув странный напиток из вина, трав и специй.

– Я думал, будет хуже, – сказал я, пробуя. Впрочем, само по себе старое вино меня бы порадовало больше.

– Спасибо, – заулыбался Леопольд, так что показались тонкие клычки.

– А теперь вернемся к нашей теме. Значит, ты не знаешь, откуда взялось то животное, кто его хозяин и как часто он кормит своего питомца?

– Ничего не знаю, – покачал мокрой головой Леопольд. – Я стараюсь держаться подальше от территории зверя, а он не заходит на мою.

– У вас что, есть понятия о территориях? – я удивленно вскинул брови.

– Конечно. Я же тоже зверь, а значит, у меня есть своя территория.

– Скорее всего, мы имеем дело с самцом, – предположил я. Уже что-то.

– Да, – подтвердил Леопольд.

– И кто же он? Зверь, я имею в виду? Мне показалось, это большая собака.

– Не знаю, кто это... Но это точно не корова, – со знанием дела объяснил мне Леопольд. – Я находил в лесу обглоданные кости волков, потому могу сделать определенные выводы. Ведь коровы волками не питаются, – очень серьезно заметил он.

– Мммм... Да, не питаются. Да и хищники волками не питаются.

– Когда жажда крови будет, и не такое съешь, – заметил нелюдь.

– Тебе знакома жажда крови? – насторожился я.

– Нет, но я читал о ней, – ответил он, ничуть не смутившись. Похоже, у этого парня что в голове, то и на языке. – Когда чудовища входят в жажду крови, они могут сожрать даже дерево, если оно их разозлит.

– У деревьев нет крови, как они могут их разозлить?

– В лесу Татяхе есть живые деревья – энты. Когда вараньи сходят с ума осенью, то они едят эти деревья, – пожал плечами Леопольд.

– Умник, значит?

– Мне делать нечего, я много читаю, – объяснил он. – Бэйр говорит, что я умный, – чудик счастливо улыбнулся.

– Меньше ее слушай, эту Бэйр.

– Почему? Она рассказывает очень интересные вещи. Например, она рассказала мне о том, как она жила в своем мире и как попала сюда и стала ведьмой.

– Нашла, где и кому трещать об этом!...

– Почему ты злишься? Разве она не может рассказывать о себе другу?

– Злюсь, потому что она должна понимать, что такие вещи нужно скрывать! Особенно, когда рядом инквизитор, охотящийся за теми, кто не отсюда.

– Я же никому не скажу, – пожал плечами Леопольд. – Мне можно все рассказывать. Вообще, ты слишком строг к Бэйр. Накричал на нее зачем-то, а теперь еще и ругаешься! Она так хорошо о тебе отзывалась, я думал, вы друзья.

Его прямота выводила из себя, но вместе с тем служила лучшим оружием. Мне нечего было ей противопоставить, и я сам не заметил, как начал отвечать так же, прямо и правдиво, и на душе от этого почему-то стало лучше.

– Мы и есть друзья. Но Бэйр думает только о себе, из-за ее беспечности я несколько раз чуть не погиб! Поверь, у меня есть причины злиться.

– Все равно ты зря ее обидел, – настаивал Леопольд.

– Да, как же, обидел я ее! Он наверняка уже обо всем забыла... Подожди-ка, а сколько нас уже нет в поместье?

– Часа два, может.

– Так... два часа она одна, с ней нет ни меня, ни тебя... А Арланд вышел из комнаты еще раньше нас...

– Думаешь, он с ней что-то сделает? – обеспокоенно спросил нелюдь.

– Вряд ли, – я задумался. – Он не трогал ее все это время. Сегодня ты здорово ему поднасрал с этой водой, но вряд ли это может на что-то повлиять. Разве что Бэйр сунется к нему с вопросами... но не должна. Не настолько тупая.

И все же чувство тревоги меня не оставляло. Я еще не мог понять, в чем дело, но каждой клеткой чувствовал, что моя ведьма в опасности.

– Я должен идти, проверить, что все в порядке, – решил я.

Леопольд без единого вопроса поднялся и принялся тушить угли в очаге.

– Эх, а суп тут так и останется висеть... Хотя давай его с собой возьмем, поедем где-нибудь.

– Мне не до твоего супа! Где у тебя тут выход в подземелья!?

Схватив с перил свою одежду и натянув на ноги еще мокрые сапоги, я бросился за Леопольдом к двери, ведущей в коридоры.

– За сколько мы доберемся?

– За полчаса – самое маленькое.

– Черт! За это время ее могут тридцать раз убить.

– Как же ты ее оставил, раз так о ней беспокоишься?

– Я беспокоюсь не о ней, а о себе! Если с ведьмой хоть что-нибудь случится, мой меч потемнеет, и я проживу не дольше нескольких дней.

По коридорам я почти бежал, подгоняя медлительного нелюдя. Бесчисленные ходы сливались в один огромный лабиринт, который встречал меня все новыми и бесконечными новыми поворотами и развилками.

За время пути мне в голову приходили самые невероятные предположения о том, что могло случиться с Бэйр за время моего отсутствия.

Учитывая то, какой у нее необычный талант, она могла встретиться со зверем, попасть на прием в личную пыточную Арланда, нарваться на какую-нибудь пакость, о которой никто не знал, провалиться в яму, вырытую сказочными феями, утонуть в озере, которое сама же и наколдовала... Да что угодно! Уж если она умудрилась познакомиться с Леопольдом и завести себе призрака домового вместо домашней зверушки, то для нее просто нет ничего невозможного.

Эти полчаса, который я блуждал в подземельях, показались мне самыми долгими в моей жизни.

Когда я, наконец, увидел первую потайную дверь, мне сперва показалось, что это обман зрения, но потом стало ясно, что на этот раз мы действительно пришли.

– Подожди, мне же нельзя разгуливать по поместью!

– Да мне до одного места, что тебе там можно! – огрызаюсь, и влетаю в комнату, куда вела дверь.

Это оказалась комната Марты.

Выйдя в коридор, я побежал в нашу комнату. На улице темно и во всю хлещет дождь, Бэйр наверняка сидит в тепле.

В комнате ее не оказалось. Магическая книга лежала не тронутой, значит, она и сюда не заходила, чтобы почитать.

В библиотеке пусто, Арланда тоже не видно. Дурной знак.

Может, она наколдowała себе защиту от дождя и работает в саду?

Я выбежал наружу. Дождь во всю хлестал меня по спине, но я упорно пробирался к фонтану.

Но на обычном рабочем месте ведьмы не оказалось. В ее постройке над фонтаном ничего не изменилось, чайник с чашками никто так и не убрал со стола, сейчас их заливала дождевая вода. Видимо, сюда ведьма даже не заходила.

– Черт, куда уже она могла пойти? – пробормотал я, осматриваясь вокруг.

Может быть, ее видел кто-нибудь из слуг? Вдруг она опять отправилась на кухню кланчить что-нибудь?

Наверняка сидит там и жалуется на меня служанкам...

На кухне Бэйр тоже не было.

Главная кухарка с Маргаритой и еще молоденьким пареньком-садовником Симоном готовили то ли обед, то ли ужин.

– Вы не видели Бэйр?

– Нет, после завтрака не видели, а что?

– Если увидите, скажите, чтобы тут же шла в нашу комнату и не выходила оттуда, пока я не разрешу!

Выйдя с кухни, я отправился бродить по коридорам поместья, раздумывая о том, где еще может быть непоседливая ведьма.

Тут я заметил Тому, идущую мне навстречу.

– Тома, ты Бэйр не видела?

– Нет, в мои обязанности не входит следить за гостями, – гордо вздернула нос и прошла мимо, даже не остановившись.

Куда же Бэйр могла запропасться? Только бы с ней все было в порядке... Если найду, самолично убью за то, что торчит не понятно где! Договорились же, что она или в саду, или в комнате сидит, нигде больше! Нет, обязательно надо куда-то уйти! У меня и так не день, а черти что, а она, похоже, собралась меня добить.

Когда я постучался в дверь комнаты Арланда, мне никто не ответил. Войти не удалось – заперто. Судя по тому, что скважены не было видно, так просто я в это помещение не попаду.

Ох, не к добру это...

Меве велела мне убираться, сказав, что никого не видела; тройняшки синхронно пожали плечами; Хагард начал читать нотации о том, как некультурно с моей стороны было вломиться в их с женой комнату, Вереника кивала, соглашаясь с мужем.

Оставался только Лорен, которого я тоже не смог найти.

Только когда я уже, проклиная все на свете, собирался идти искать Бэйр в подвалах со зверем, на моем пути показался Лорен.

Казалось, этот верткий жулик специально старался скрыться, но я его все-таки догнал.

– Ты не видел мою напарницу? – спрашиваю, догнав графеньша и развернув его за плечи к себе лицом.

– Что?

– Бэйр! Где она? Ты ее не видел? Или Арланда?

– Ах, да, что-то припоминаю... – закивал он. – Твоя напарница уехала.

– Что!? Куда она могла уехать?

– Я не знаю. Она собрала вещи, взяла у меня денег за задание, села на своего рыжего коня и уехала, – ответил он, ласково на меня смотря.

– Быть не может...

– Я сам видел, как она уезжала.
– Она что-нибудь сказала? Куда уезжает и зачем, на сколько?
– Мммм... Она попросила, чтобы ты за ней не следовал.
– Как это? Она что, на совсем уехала?
– Я не знаю, говорю же. Она ничего не сказала кроме того, что уезжает.
– А что с Арландом?
– Он покинул поместье, собирается вернуться в свой Орден. Ему было тяжело оставаться здесь.

– Еще бы ему не тяжело на месте сидеть, от него ведь ускакало целое состояние...

Отпустив Лорена, я направился в конюшню, проверить, действительно ли Бэйр уехала. Мне очень хотелось надеяться, что все будет хорошо, но в душе я уже знал, что не будет.

Распахнув дверь конюшни, я не увидел в стойлах ни одной ярко-рыжей лошади. Черта не было на его обычном месте, седла Бэйр тоже не наблюдалось... это могло означать только одно.

Неужели она и вправду уехала? Но куда и зачем?

– Вот и я! Ну что, нашел ее? Все в порядке? – в конюшню вошел Леопольд с котелком супа в руке. Увидев его, лошади забеспокоились.

– Нет, не в порядке... Лорен сказал, что она уехала, а ее коня здесь нет.

– ...Как это уехала? – убитым голосом переспросил Леопольд. – Точно? Ты все проверил? Может, она просто решила покататься?

– Пойдем в нашу с Бэйр комнату, проверим, оставила ли она вещи или нет.

Полка в шкафу, где лежала сумка Бэйр, оказалась пуста.

Перерыв всю комнату в поисках хотя бы клочка бумажки с пафосным прощальным посланием, я так ничего и не нашел. Это взволновало меня еще больше.

От Бэйр вполне можно было ожидать какой-нибудь пакости напоследок, а вот так просто взять и уехать, ничего не сказав и даже не попрощавшись... это на нее совсем не похоже. Хотя... Нет, она же сказала мне на прощание кое-что, прежде чем выйти из комнаты после ссоры. Что-то вроде «ты меня больше не увидишь, раз я тебе так надоела».

Так неужели?...

– Что с тобой? У тебя такое задумчивое лицо... – пристал ко мне Леопольд.

– Она уехала. Кажется, навсегда... Обиделась, черт ее дери! Из-за такой ерунды взять и уехать! Дура! Она без меня и дня не протянет, по дороге заблудится, с лошади упадет, на разбойников нарвется!... А мне что!? Сидеть и ждать, пока меч не потемнеет!? Вдруг она забыла снять с меня клятву, и я теперь обречен!?

– Она все же уехала?... А как же я? – жалобно, как котенок, пискнул Леопольд. – Она же не могла даже со мной не попрощаться...

– ...Ну какой идиоткой надо быть, чтобы так поступать из-за какой-то дурацкой обиды!? И ничего мне не сказала, ни единого слова! Я тут ношусь, ищу ее, а что в итоге? Она уехала! Я о ней пекусь, как наседка о яйце, а она просто взяла и кинула меня в этом богами забытом поместье! Спасибо, было весело, а теперь бывай, храбрый рыцарь! Гррр! Ведьма!...

– Почему ты так кричишь?

– Почему!? Да потому что я зол!!! Как она могла просто взять и уехать после всего того, что между нами было!? Нет, я так не могу... Надо ехать за ней, иначе, чую, с ней приключится беда. Иначе просто и быть не может! Возможно, на нее уже сейчас напала какая-нибудь химера, пока я тут стою!

Подойдя к шкафу, я достал оттуда кольчугу и рыцарскую тунику, быстро оделся. Из-под кровати вытянул свой меч, слава всем богам, еще светлый, и перекинул ножны за спину

– Стой! – остановил меня Леопольд, схватив за плечо. – Ты же связал себя клятвой еще и с моим отцом. Если уедешь до оглашения завещания, твой меч точно потемнеет!

– Черт!!! Я и забыл об этом!... Что же тогда делать? Идти, просить, чтобы меня уволил?

Я так и сделал.

– Исключено, – покачал головой граф, не на шутку перепугавшись. – К чему такая спешка?

– Я не могу оставаться в поместье, когда моя напарница, черт бы ее побрал, где-то шляется!

– К чему такие жуткие выражения? Она же для тебя не дочка и не жена, чтобы так пекся о ее здоровье! Взрослая самостоятельная женщина, да еще и ведьма, она вполне может постоять за себя.

– Взрослая самостоятельная женщина!? Бестолковая девица, которая без мамкиной юбки, в данном случае моей рыцарской туники, и дня не проживет! Я не могу оставить ее одну, пойми ты! Увольнай меня немедленно, а не то я сейчас самолично убью Меву и разорву конверт с завещанием, чтобы расторгнуть нашу сделку!

– Давайте не будем бросаться в крайности, Донан! – миролюбиво поднял руки Лорен. – Я тебя нанял, еще и как носильщика мебели. Даже если ты убьешь мою тетюшку, все равно не сможешь выйти из поместья до праздника, будь то похороны или день рождения. Исключено. Ты останешься здесь до тех пор, пока я не позволю уехать!

– Твоя упертость может стоить Бэйр жизни!

– Не преувеличивай, – отмахнулся Лорен. – Иди переоденься и спроси, не нужна ли твоя помощь на кухне. В связи со смертью Марты у нас не хватает рук. Такая способная была девочка, так жалко...

– Ты издеваешься надо мной?

– Нет же! Иди, приди в себя, мытье посуды всегда очень успокаивает нервы. Я сейчас занят, ты отвлекаешь меня...

Выставив меня из своей комнаты, Лорен захлопнул дверь и запер ее на ключ.

Конечно, я не собирался идти на кухню. Я направился в конюшню.

– А что ты делаешь? – спросил опять не пойми откуда появившийся Леопольд.

– Седлаю лошадь.

– А как же меч? Потемнеет...

– Я поклялся защищать эту ведьму до тех пор, пока она не достигнет своей цели. Меч не меч, а клятва, данная ей, для меня гораздо важнее клятвы, данной Лорену.

– А как же Дороти?

– Черт, и вправду...

Остановившись, я оперся на спину своей безымянной кобылы и стал думать, что делать.

Ждать, пока Леопольд приведет Дороти? А вдруг Бэйр все-таки вспомнила про клятву и сняла ее с меня, потому, когда я уеду, меч потемнеет от неисполненного долга перед Лореном?

Проклятье, надо же было так вляпаться!

– Я слышал за стеной, как Лорен сказал, что она просила тебя не ехать за ней, – напомнил Леопольд. – Вдруг правда не стоит за ней ехать? Если она так сказала, значит она помнила о тебе и о клятве, когда уезжала.

– Думаешь?

– Да, думаю.

– Но... но без меня она все равно загнется. Она же беспомощна, как щенок!... И Арланд уехал. День в день.

– Может и так. Но если она уехала, то готова была к тому, что теперь будет одна, – грустно вздохнул Леопольд и уселся на перила, принявшись болтать ногами. – Жалко... Я надеялся, что она заберет меня отсюда. Я к ней так привязался.

– Гррр... Никогда не привязывайся к женщинам, – посоветовал я, расстегивая седло и снимая с лошади узду. Оба предмета вдруг показались чертовски тяжелыми. – Следи за этими бестиями внимательно, а не то будешь как я, унижаться, преданным щенком бегать по их сле-

дам, пытаюсь понять, куда уехала и почему бросила... Хотя чего еще я ожидал от ведьмы? Будет мне уроком.

«Лошадиная косынка»

Бэйр

Погода сегодня выдалась жаркая. На улице не было ни следа вчерашней грозы, даже лужи куда-то исчезли к полудню. По лазурному небу неспешно ползли редкие белые клочья облаков, один тощий капал пересек его за час и скрылся за горизонтом. Теплый летний ветер слегка шевелил кроны небольших деревьев, ограждающих золотистые поля от дороги, по которой ехали мы с инквизитором.

После дождливой погоды в поместье Сеймуров солнце и пение птиц казалось чем-то сказочным! За месяц я успела отвыкнуть от тепла и теперь всю наслаждалась погодой.

Сняв жаркий плащ и оставшись в одной рубашке, я с радостью носилась по дороге, то пуская Черта быстрее, то возвращаясь к Арланду, который неспешно ехал на своей белоснежной кобыле.

Так хотелось быстро умчаться, навстречу полям и лесам, почувствовать, как ветер бьет в лицо и свистит в ушах, задувается под одежду, чтобы от скорости все окружающие меня краски смазались в одну пеструю полосу!...

– Бэйр, угомонись, – с улыбкой попросил инквизитор. – Что ты туда-сюда коня гоняешь, как стрекоза?

– Поехали быстрее!

– Нет, такая жара... – он промокнул мокрый лоб платком.

– Сними свой плащ и... не знаю, как это у вас инквизиторов называется?... Ты одет так, как будто в ледники собрался, конечно, тебе жарко!

– Я не могу это снять, – сказал Арланд, бросив на меня недовольный взгляд.

– Дело твое. Но поехать быстрее все равно можно! С ветерком, Эге-ге-эээй!..

– Бэйр, стой! – крикнул инквизитор, все же пуская свою кобылу быстрее, чтобы догнать меня.

Теперь я могла не оборачиваться, ругань позади меня подсказывала, что Арланд не отстанет, какую бы скорость я не взяла.

Злорадно смеясь, я стала подгонять Черта, чтобы скакал еще быстрее. Сам конь не то что не был против, он с готовностью несся вперед, оставляя инквизитора с его манерной кобылицей далеко позади.

– Стой ты, ведьма! – в недоумении кричал Арланд, пытаясь меня догнать.

Где-то пятнадцать минут мы мчались во весь опор по пустой дороге, я впереди, наслаждаясь свежестью ветерка, дующего в лицо, а Арланд сзади, глотая золотистую дорожную пыль, вздымающуюся под копытами Черта.

Дорога резко пошла вниз и Черт немного замедлился, чтобы не упасть, и тогда Арланду удалось поравняться с нами. Теперь мы ехали вровень, но только до тех пор, пока дорога не пошла ровнее.

Лошади устали и пришлось замедлиться, но за это короткое время мы преодолели значительную часть пути, теперь можно было ехать медленнее и не слишком бояться того, что до темноты не доедем до ближайшего постоянного двора.

– Бэйр, похоже, мы не успеем добраться за светом, – не слишком расстроено заметил Арланд, когда оранжевый диск в небе почти коснулся горизонта.

– Брось, еще не полночь, – отмахнулась я. – Успеем.

– Нет, я думаю, что все-таки не успеем, – настаивал инквизитор.

– Ну и что? Постоялый двор работает круглосуточно! Беспокойся не о чем, они хотят наши деньги и пустят хоть в два часа ночи. Так что поехали, к одиннадцати точно доберемся.

– Может, все-таки заночуем на улице? – новоиспеченный спутник предложил настаивать.

– Нет!

– Почему? – удивился он. – Чудесная погода! Зачем париться в душных комнатах, когда можно на улице, у костерка и под звездами?

Ну да, погода у него чудесная, а с постоянного двора и звезд уже не видать... Опять темнит.

– Соглашусь, если ты скажешь мне правду, – заявила я. – Зачем тебе ночевать в лесу?

– Так нужно, – ответил инквизитор, дав мне понять, что это еще один вопрос, ответ на который я не услышу.

– Черт с тобой, будь по-твоему, – вздохнула я, мысленно прощаясь с кроватью и теплой водой. – На такие жертвы ради тебя иду, между прочим!

– Сама потом спасибо скажешь, – фыркнул инквизитор.

Закатив глаза, я пустила Черта дальше.

– Все, слезаем! – скомандовал Арланд, когда солнце скрылось наполовину. – Судя по карте, в трех четвертях километра отсюда есть речка. Деревушка под названием Морья находится на одном берегу, а к другому, пустому, мы как раз выйдем. Раньше в лесу было полно нечисти, потому берег, куда мы пойдем, пустует.

– А сейчас этой нечисти точно нет? – спросила я, слезая с Черта.

Оказавшись на земле, я с трудом смогла нормально стоять. После целого дня езды ноги, привыкнув к седлу, всегда разъезжаются в стороны.

Постояв какое-то время, привыкая к земле, которая не скачет и не трясется, а стоит ровненько на месте, я подошла поближе к Арланду.

– Рядом со мной нечисти ты можешь не бояться, – успокоил меня инквизитор. Было что-то в его лице, от чего мне не захотелось улыбаться этой шутке.

Мы зашли в лес и стали пробираться сквозь деревья, протаптывая тропинку в наименее заросших местах. Лошади, которым ветки царапали морды, недовольно фыркали, а Черт еще и кусал воздух, надеясь покарать таинственных обидчиков, жалящих его несравненную рыжую морду.

Быстро темнело, слабеющие лучи солнца все с большим трудом пробивались сквозь полог из листьев и веток. По пути не встречалось даже намек на маленькую полянку, где можно было бы развести костер и устроиться на ночь. Меня уже начинали посещать грустные мысли о том, что придется спать прямо на корнях.

Одно лишь радовало: не то что нечисть, к нам даже белки не совались. Только птицы тревожно вскрикивали, когда мы пробирались под деревьями с их гнездами.

Наконец, послышался шум течения реки, и, воспрянув духом, мы с инквизитором пошли быстрее.

Когда мы миновали последнюю стену деревьев, перед нами предстал заросший высокой травой и кустами берег.

– Да уж, отвратительный постоянный двор со своей кроватью и рядом не стоял с этой роскошью... Я чур сплю в камышах, а ты в тех кустиках, от которых благоухает чем-то мертвым, ты ведь у нас любишь мертвых!

– Что ты возмущаешься? – Арланд недовольно посмотрел на меня, оглядываясь вокруг. – Речка есть – хорошо. Можно искупаться и набрать воды.

– Ты в своем уме? Пить из этой реки нельзя, а мыться – то же самое, что в канаве! От этой водицы водорослями так и тянет, а забраться туда невозможно: камышей целая армия.

– Пф, какая ты нежная, – фыркнул Арланд, осматриваясь вокруг. – Где ты речку без водорослей и камышей видела? Ну да ладно, что я к тебе лезу? Не хочешь пить и купаться, так никто не заставляет! – он развернулся и повел кобылу обратно в лес, махнул мне рукой. – Идем! Я заметил подходящее место для ночлега, оно в лесу и идти до него отсюда минут пять. Пошел до реки потому, что хотел убедиться, что здесь никого нет. Я по пути наберу веток для костра, а ты поведешь мою лошадь.

Приняв поводья белой кобылы, я пошла за инквизитором, нырнувшим обратно в гущу деревьев.

В наступившей темноте Арланда в его черном костюме было почти не видно, инквизитор то и дело исчезал куда-то, а когда появлялся, охапка хвороста в его руках становилась больше.

– Все, мы пришли. На тебе лошади, на мне – костер, – объявил он, когда мы вышли на небольшой участок без высокой травы, кустов и сплошных деревьев.

– Нет, так не пойдет. На мне костер, а на тебе лошади, – решила я.

– Как скажешь.

К тому времени, когда Арланд закончил возиться с животинкой, я уже развела огонь, расстелила на земле свой плащ и устроила там вместо подушки походную сумку и седло.

Закончив приготовления, я уселась напротив костра отдыхать.

После долгого пути действительно здорово было вот так посидеть у огонька на свежем воздухе, послушать звуки ночного леса, подумать о высоком, наблюдая за узорами дыма... Хорошо.

Но горячий кусок мяса и нормальная постель были бы лучше.

– У меня остались припасы из поместья, даже компот остался, – сообщил Арланд, роясь в своей седельной сумке. – Хочешь, могу поделиться?

– Хочу, – кивнула, не оборачиваясь на инквизитора. Еще бы он со мной не поделился...

Усевшись у костра поближе ко мне, Арланд открыл небольшую плетеную коробочку, в которой были уложены рядком аж восемь пирожков.

– С чего начнем? С курицы или с картошки?

– С компота, – улыбаюсь и вытаскиваю из рук инквизитора флягу.

Открыв ее, делаю несколько глотков.

– Очень даже неплохо... вкусно, – одобрительно киваю, возвращая флягу владельцу.

– Из яблок фамильного сорта, – похвастался Арланд.

– А откуда у вас собственный сорт? Так много о нем слышала, а что-то все спросить не соберусь!

– Одна из графинь увлекалась садоводством, потратила всю свою жизнь на то, чтобы вывести особый сорта яблок. Мы эти яблоки в городе продаем по золотому за штуку, причем с вычищенными семечками. Нигде в мире больше нет таких яблок, только у нас.

– И что же в них такого особенного?

– Они отпугивают нечисть. Но не всю, а только нашу фамильную, родом из поместья, – с улыбкой объяснил Арланд. Такой будничным тон, словно про котят говорит! – Когда из подвалов наружу выбирается очередная тварь, ее легко можно отпугнуть этими яблоками.

– А тебе точно можно пить компот из этих яблок? – спросила я, сама не зная, в шутку или нет. – Пирожок мне дай, жмот. Сам сидит, грызет, аж за ушами трещит!

– Держи, – улыбнувшись, Арланд протянул мне целых два пирожка.

Забрав свое, я отсела подальше от инквизитора. Отщипывая по кусочку от пирога, я стала смотреть в огонь и поднимающийся к небу дым.

– Бэйр, ты слышишь это? – вдруг встревожено шепнул Арланд.

– А? Что? Ты что-то сказал?

– Прислушайся. Ничего не слышишь?

Послушно вслушавшись в тишь ночного леса, я уловила лишь шорох листвы на деревьях и неизменных сверчков.

– Нет, ничего. А что?

– Как будто кто-то кричит...

– Нет! – я погрозила ему пальцем. – Никто не кричит, мы никуда не идем и не натыкаемся ни на какие приключения!

– Нет, правда, кто-то кричит!... – подтвердил Арланд, насторожившись, как охотничий пес, почуявший дичь.

– Арланд, давай спать? Ну, пожалуйста!

– Их там много!

– Черт, опять... это проклятие на мне, ей-богу! – захныкала я, тоже начав различать крики и ругань. – Они, кажется, приближаются.

– Я больше тебе скажу, они бегут сюда! – крикнул Арланд, поспешно вставая и выхватывая меч из ножен на поясе.

Я тоже встала с нагретого места и приготовила к сражению здоровую руку. Лошади, увидев, как мы вскочили, забеспокоились и стали озираясь по сторонам.

Мы ждали, крики приближались. Вскоре уже можно было различить отдельные слова.

– Кажется, они бегут прямо на нас, – решил Арланд, вставая впереди меня. – Встань сзади и не вмешивайся!

– Мой герой... – саркастически фыркаю, зажигая в воздухе более десяти оранжевых шаров, которые осветили местность в радиусе тридцати метров от нас.

– Ребят!... Ребят, она сама!... Ваша Марфушка сама ко мне полезла!... Затащила на сеновал и заставила пить молоко! – вдруг заверещал кто-то с той стороны, откуда доносились остальные крики.

Мы с Арландом удивленно переглянулись, но оружие убирать не стали.

– Мужики, вы только не горячитесь! Мужики, я же по-доброму!... Вы не знаете, кто мой папа! Да он всю вашу деревню!... Ааа! Только без вил, умоляю, только без вил! – кричал какой-то несчастный, удирая от погони.

Уже было слышно, как ломаются кусты и ветки под натиском толпы, бегущей за каким-то недотепой.

– Да мы тебя, гада подколодного, как норуш мышку раздерем! На нашу Марфу позарился, мы ее всей деревней растили, сами не доедали!... На первую красу деревни!... А ты, шмурдяк окаянный, ее своими лапами грязными, неумелыми!!!

Ветки куста, который рос с краю нашей полянки, раздвинулись и к нам выпрыгнул красный вихрь.

– О, люди! – радостно завопил он, раскинув руки в стороны, и бросился к нам. – Люди, спасите! Там весь народ – сумасшедшие! – покрутил у виска. – Они не владеют собой и хотят моей смерти!

– Ты кто такой!? – угрожающе нахмурился Арланд, загоразивая меня и поднимая меч.

– Да какая разница!?... О... Бэйр! Кого я вижу, сестричка! Сколько лет, сколько зим! Уж не ожидал тебя тут встретить, не ожидал!

Заметив меня, красный вихрь кинулся ко мне. Я и моргнуть не успела, как оказалась в крепких объятиях подозрительно знакомого мужчины...

– Так это ты что ли!? – поразилась я, заглядывая в смуглое лицо. – Сказочник из Верегеи!? Какими судьбами!?

– Я самый! Бэйр, родная, спасти меня от них, а? Я тебе потом как-нибудь отплачу! Но, пожалуйста, не отдавай меня им! – затряс меня за плечи Али ибн Дамъяр.

В его восточных глазах искрилась такая мольба, что я просто не смогла оттолкнуть его, только кивнула Арланду, подтверждая, что это красное недоразумение – действительно мой друг.

Мужики вывалили из леса, кто с чем: чтобы прибить сказочника собралась вся деревня! Но, заметив инквизитора с поднятым мечом и недобрыми черными глазами, мужики остановились, чтобы по-новому оценить обстановку.

Посмотрев на Али, который уже стоял за моей спиной, потом на меня, затем на Арланда, они сделали определенные вводы.

– Тык, ента... – начал старший из них, выйдя вперед. В одной руке у него была внушительная дубинка, которой он машинально помахивал время от времени. – Вы нам этого, – указал толстым пальцем на Али. – А мы вас не трогаем.

– В чем дело? Почему вы за ним гонитесь? – спросила я.

– Он на нашу Марфу!... – от возмущения у кого-то из мужиков даже слов не нашлось и вместо конца предложения он выругался. Еще не слишком разбираясь в местном мате, я не поняла, что он хотел сказать.

– Да корова ваша Марфа! Корова обыкновенная, ничем непримечательная! – закричал в ответ сказочник, прячась за моей спиной. – За такую человека убивать должно быть совестно!

– Что!? Еще и оскорблять смеешь!? – заорали мужики.

– Молчать! – рявкнул инквизитор.

На секунду люди умолкли, потом мужики, переглянувшись, начали наперебой рассказывать, в чем дело. Прикрикнув на них, чтобы замолкли, главный повернулся к нам.

– Я буду говорить! – громко заявил он. – Приперся к нам в деревню, значит, этот ухарь недокрашенный, – он недовольно глянул на Али. – Мы ему все чин по чину, ночевка в сарае. За сказку – в лучшем сене ночевка, без сказки – за деньги. Он нам, значит, рассказал небылицу про то, как в какой-то диковиной стране коров видать не видывали, и слышать о них не слыхивали, где за буренку одну можно от царя золотые горы получить. Мы ему, сказочнику, человеку высокой... этой, как ее?... души!... лучший сарай выделили! А там наша корова, лучшая буренка в деревне, мы ее на все ярмарки возим, она какой год всем нашим мешки лучшего зерна выигрывает! А молоко у нее какое? Умрешь, какое вкусное! Сметану попробуешь, так ты без этой сметаны жить не сможешь!... А этот что!? Мы заглянуть хотели, не спит ли, еще чтоб сказку рассказал, а он там нашу корову увести пытался!...

– Да я с утра не ел ничего, голодный был, молока хотел выпить! Что я, виноват, что она так просто не давалась!? Пришлось ей морду связать, чтоб не брыкалась! – возмутился Али, не спеша выходить из-за моей спины.

– Ты ее увести хотел и царю своему продать! Нашу буренку, которая всю деревню кормит! А еще на нее клеветал, что это она тебе смертью грозила!

– Чистая правда! – крикнул в ответ сказочник. – В глазах так и светилось: дои, говорит, а не то рогами получишь!...

– Что с коровой? – спросила я, прервав очередную перепалку.

– Что-что, испугалась, того и гляди, молоко давать перестанет! – развел руками в стороны главный мужик, повертев дубинкой.

– Да она от вида ваших рож скорее молоко давать перестанет, чем от деликатнейших прикосновений моих нежных, прославленных в определенных кругах своей ловкостью, пальцев! – заметил сказочник, продемонстрировав мужикам раскрытые ладони. – Я когда ее доить пытался, она аж вся застыла, замерла в предвкушении!

– Ты, бес проклятый, тащил ее куда-то, за веревку, вокруг морды обвязанную, и дергал!...

– Да это чтобы она от стены отошла! Как бы я ее доил, если бы она нужным боком в стену упиралась!?

– Ах, тебе с другого бока не доилось, брехун паршивый!... – заорал мужик, замахнувшись дубинкой.

Но, не успел он и шага сделать, как Арланд двинулся вперед, предупреждая крутанув меч.

– Ступайте, добрые люди, с миром, – миролюбиво предложил он. – А с вором мы сами как-нибудь разберемся.

Отойдя подальше от инквизитора, мужики робко переглянулись между собой.

– Как скажете, господин инквизитор, как скажете, – пробормотали они, а затем быстро убрались подальше от полянки.

Только когда их голоса затихли, мы позволили себе выдохнуть. Арланд убрал меч в ножны, я впитала левой рукой скопившуюся в правой энергию, чтобы ничего ненароком не взорвать, а Али грохнулся возле костра, рыская вокруг взглядом в поисках съестного.

– Кто ты такой? – спросил инквизитор, садясь к огню.

– Али ибн Дамьяр! – представился незваный гость, красиво поклонившись и взмахнув полой алого плаща. – Сказочник, поэт, немного бард, немного философ и торговец от части!

– И где же такие водятся? – спросил у меня Арланд с беззлобной улыбкой. Что и говорить, своим щегольским видом Али так и напрашивался на насмешки.

– Мы с Дейком разбирались с птицей хаарь в одной деревне, – рассказала я. – Там я и встретила Али, он рассказывал народу одну из своих историй.

– А потом я рассказал Бэйр историю всей своей жизни, – подтвердил Али, продолжая бегать глазами по нашим припасам.

– Молока, как я понял, ты так и не получил? – догадался Арланд.

– Да куда уж там? Сомневаюсь, что та старая бычара могла выдавить из себя хоть каплю! – отмахнулся сказочник. – Ах, если бы благородный инквизитор соизволил поделиться чем-нибудь с бедным бардом, он воспевал бы такие баллады о доблести и чести белых сов!...

– На, держи, – поморщившись от количества слов, Арланд протянул изголодавшемуся сказочнику флягу с компотом и пирожки.

– О, великодушие из твоего большого сердца бьет ключом чистейшей доброты! – заулыбался Али, подсев поближе к своему спасителю и выхватив у него из рук пирожки.

– Так каким ветром тебя занесло в эту глушь? – спросила я у сказочника.

– Да я ж все Кудеяра ищу, – рассказал он, жуя пирожок. – Тут бешеный единорог объявился, вот я и подумал, что царевич сюда направится, так сказать, начинать с малых подвигов. Сначала единорог, а потом, глядишь, и до дракона дело дойдет... Но опоздал ушастый старина, единорога какой-то рыцарь уже грохнул.

– Это мы с Дейком отметились, – не без гордости заметила я.

– О, я так и подумал! – закивал Али, прихлебнув из фляги. – Ну а я с вами, так и быть, до ближайшей харчевни, а там уж разбежимся. Кстати, а кто этот вот, с темными глазами и светлым сердцем?

– Арланд Сеймур, – спохватилась я. – Рыцарь надоел, решила вот завести себе инквизитора... только проблем с ним, вредный до ужаса!

Не выдержав, я ехидной покосилась на Арланд. Он только закатил глаза, мол, дурочка я и шутки у меня дурацкие.

– Аaaa... Так ты правда что ли инквизитор? – Али округлил глаза.

Вместо ответа инквизитор отодвинул полы плаща, показывая серебряные амулеты на одежде.

– Вот теперь видно, – кивнул сказочник. – Я думал, белые совы ходят в белом.

– Ученики носят черное, – коротко объяснил Арланд.

– А ведь и правда! – кивнул сказочник. – Как совенки из гнезда, так и Белая Сова из Ордена. Попала черт знает кем, а вышла опасным хищником... Эх, баллада так и просится!

– Кстати о балладах. На чем ты играешь? – поинтересовалась я.

– Я пока только пою, на лютню все денег никак не соберу... Куда-то все время деваются эти маленькие кругляшки, ума не приложу, куда.

– Скучно... а есть, не знаешь ли, такие инструменты... ну, с шестью струнами?

– Есть шестиструнные лютни, для особо ленивых, которым по двенадцати пальцами скакать лень. А что?

– Приобрести бы мне тоже, – мечтательно вздохнула я, укладываясь на землю, положив руки под голову. Только когда я уперлась затылком в раздробленную руку, вспомнила, что вряд ли смогу на чем-то играть. Хотя, кто знает, вдруг мне попадется кто-то вроде Люки и сумеет

правильно срастить мне кости? В этом мире, как бы плохо ни было, всегда можно надеяться на чудо.

– А ты что... играть умеешь? – заинтересованно спросил сказочник.

– Ага, – кивая, решив не расстраивать сказочника своими проблемами. – Я б вам Высоцкого спела... Хотя, тут, наверное, не оценят.

– Кого-кого?

– Ну... бард такой. Из моих краев.

– А, такого я точно не слышал, – заметил Али. – Глухое это место, твои Великие Равнины.

– Не то слово, какое глухое, – улыбаюсь, наблюдая за дымом от костра, стремящимся вверх, сквозь деревья к небу. Вдохнув полной грудью свежий лесной воздух и дым, наслаждаюсь неповторимым ароматом... Вдохнув еще раз, я поняла, что аромат до боли знакомый... а после третьего раза стало ясно, что у меня или галлюцинации, или же...

– Трубка! – поняла я.

Посмотрев на Арланда, я увидела, что он оперся спиной о ближайшее дерево и умиротворенно раскуривал свою белую костяную трубку.

– Да, – умиротворенно улыбнулся инквизитор.

– Дашь? – попросила я.

Он покачал головой.

– Хватит с тебя. К такому лучше не привыкать.

Посмотрев на него внимательнее, я поняла, что ничего не добьюсь.

– Молись, как бы я не научилась поджигать зачарованные инквизиторские костюмчики, – проворчала я, перебираясь на свою импровизированную кровать. – Не знаю, как вы, а я спать хочу. До завтра.

– Радужных кошмаров, – пожелал мне Али.

– Спи спокойно, – присоединился к нему Арланд.

Под рокошующие голоса разговарившихся спутников я быстро уснула, даже не заметив этого.

Мне приснился странный сон.

Одиноко. Пусто. Холодно.

Бесконечно или временно, целиком или частично – уже давно не имеет значения. Бесконечно одиноко, так пусто, временно холодно... застывают хрупким льдом остатки моего последнего сокровища – моей памяти. Внутри или снаружи все исчезает – не понять. Но происходит что-то и ничего, долго и быстро, ощутимо и незаметно. Давно. Или недавно. Не понять.

Помню момент. Только один. Ни больше, ни меньше. Беспокоюсь. Почему? Не знаю.

Помню мгновение жара, обжигающего и удушливого... убивающего. А потом паралич, вспышка и крик... Пронзительный, полный отчаяния крик ребенка. Кажется, нежные связки вот-вот разорвутся, но кричат еще долго.

Надрывно, знакомо...

«Я иду к тебе, сынок!» – говорит память, и я иду.

Иду сквозь такой пустой, несуществующий мир. Набор смутных красок, цветов, воспоминаний, и не больше. Тянет, хочется дойти... Куда? Зачем? Не знаю, память молчит.

Одиноко. Пусто. Холодно. И ничего больше. Ничего вокруг нет, мир изменился, стал иллюзией, а я, как птица в сетке, запуталась в обманках и не могу выбраться. Брожу по жутким лабиринтам без цели, куда память ведет. Редко натыкаюсь на невидимые преграды.

Я часто вижу привидений.

Они проходят совсем рядышком и не видят меня. Они живут своей, отдельной жизнью. Их существование так суетливо, так знакомо... так далеко и необычно. Я наблюдаю за ними, но не могу ничего понять. Ни кто они, ни откуда они взялись, ни что они делают, ни зачем... Их много, десятки или сотни, они почти каждый раз разные... или я их не запоминаю.

Так странно.

Я часто вижу одно место. Не помню, где оно, не помню, зачем оно.

Коридор. Недолгий, маленький коридор. С одной стороны стена из камня, с другой большие, высокие окна с красивыми рамами. Мне так нравились эти рамы.

За окном всегда гроза, всегда дождь, всегда ночь.

Я вижу паутину, вижу пыль... Хочу убрать, стереть, потрогать... Не могу, не получается. Все это иллюзия, обманка. Как и весь мир. Но это место – лучшая иллюзия. Все как настоящее... настоящее, о котором я почему-то знаю.

Иногда в том месте я вижу приведение. Оно мне нравится, это мое любимое приведение.

Оно меняется, каждый год оно выглядит иначе. Оно движется плавно и грациозно. Красиво. Люблю наблюдать за тем, как приведение танцует.

Оно предлагает мне станцевать с ним. Я соглашаюсь, мы танцуем вместе.

Сначала приведение меня боялось. Оно приходило на место украдкой, тихонько, как мышонок... что такое мышонок? Не помню. Но мышонок трусливый, маленький, слабый. Мышонок робкий, но ловкий и любопытный.

Мой Мышонок.

Сначала совсем небольшой, едва доставал мне до пояса, он пришел на то место и долго смотрел в окно, сидя на холодной каменном подоконнике.

Я сказала ему, чтобы не сидел на холодном, а не то подхватит какую-нибудь болезнь, и маги-лекаря будут тыкать в него иголками. Привидение очень испугалось, а потом заплакало. Так горько, так жалобно. Оно долго плакало, а я стояла и смотрела, не знала, что должна сделать. После этого Мышонок стал часто приходить на то место. Поначалу он всегда горько плакал, упав на пол, а потом начал говорить, рассказывать мне что-то, называя меня «мамой».

Кто такая мама? Не помню. Наверное, Мышонок любит ее.

Как-то раз Мышонок пришел с другим приведением. Наверное, он хотел нас познакомиться.

Мышонок плакал и что-то говорил.

Вдруг я поняла, о чем он спрашивает и ответила ему.

Он спросил: «Ты скучаешь по мне? Ты видишь меня?». А я ему ответила, что скучаю, потому что он мое любимое приведение, и что вижу его.

Мышонок тогда засмеялся и заплакал еще сильнее. Смеялся и плакал одновременно. Бедный Мышонок.

Другое приведение не плакало и не смеялось, оно встревожено наблюдало за Мышонком, а потом село перед ним на корточки и стало что-то объяснять. Мышонок еще что-то говорил, а потом они ушли.

С тех пор я почти не видела моего Мышонка, он приходил очень редко. А потом исчез. Его долго не было, так долго, что я забыла о нем.

Но однажды я снова увидела Мышонка. Он казался больше, он изменился. Теперь он не плакал и не смеялся, не говорил. Смотрел на меня и на окно. Он сел на холодный подоконник, и я сказала ему, чтобы не сидел на холодном, а не то подхватит какую-нибудь болезнь, и маги-лекаря будут тыкать в него иголками. Тогда Мышонок встал и улыбнулся. Улыбка у него была грустная, а взгляд отстраненным, как у юродивого. Посмотрев на Мышонка, я тогда решила, что ему почему-то очень плохо. Он сильно изменился за то время, которое не приходил ко мне.

С тех пор мы стали видится чаще, почти каждый день. Мышонок перестал меня бояться, он приходил ко мне надолго, часто разговаривал со мной, что-то спрашивал, а я ему отвечала. Мы подружились, он по-прежнему звал меня «мамой».

Однажды Мышонок пришел ко мне и сказал, что скоро уйдет. Он сказал, что мы вряд ли еще увидимся, что он не сможет больше ко мне приходить. Он сказал «прощай».

Его долго не было, но потом он опять появился. Он стал еще больше, теперь даже выше меня. Из-за странной одежды я не могла полностью его видеть, он расплывался в воздухе серым туманом. Я видела только лицо Мышонка. Когда он тогда пришел ко мне, то предложил потанцевать. Предложил сухо и холодно. Приказал.

Я спросила, как мы будем танцевать, если у него нет ног, а он сказал, что как только я соглашусь, ноги появятся. Откуда-то зазвучала музыка. Она была такой красивой, что мне захотелось танцевать. Я подошла к Мышонку, он взял меня за руки.

Он оказался совсем как живой. Теплый, твердый и не расплывался больше в воздухе.

Мы танцевали по коридору, пока музыка не закончилась, а потом Мышонок меня крепко обнял и долго не отпускал. Из его глаз потекла соленая вода, когда он целовал меня, я чувствовала ее вкус. Такой странный, яркий, непривычный... такой знакомый вкус.

Потом Мышонок исчез. Он ушел так быстро, что я и не заметила.

Теперь Мышонок приходил очень редко, но, когда приходил, много говорил со мной, рассказывал что-то, спрашивал советов. Потом я его опять долго не видела, но он всегда появлялся снова и всегда неожиданно. Так продолжается до сих пор.

Но Мышонок это только одно приведение. Есть еще много, иногда я их запоминаю, иногда нет. Они меня не видят и не слышат. Жаль. Наверное, было бы интересно с ними поговорить.

Появился Страх.

Он пришел так неожиданно. Не знаю, откуда он взялся.

Я гуляла по лабиринтам того, что осталось от мира, как всегда это делала. Тогда я искала еще одно привидение, которое часто приходит в лабиринты. Мне хотелось попробовать поговорить с ним. Оно долго что-то искало, но не видело меня. Мне казалось, я знаю, что оно ищет. Я хотела помочь.

Когда я нашла это странное привидение, оно не обратило на меня внимание, так усердно что-то копало.

Я встала за спиной привидения и стала наблюдать за ним. Мне было интересно узнать, что оно делает.

Привидение что-то тихо говорило, я не понимала что. Но говорило оно это не мне, а кому-то другому. Но то, другое невидимое молчало и никогда не отвечало, а ищущее что-то все равно с ним разговаривало.

Когда я стояла за спиной привидения и пыталась понять, что же оно делает, я увидела большую собаку.

Она была такая большая, что ей приходилось пригибаться, чтобы не задеть горбатой спиной потолок. У нее была уродливая морда со злыми глазами и большой пастью. Лохматая, спутанная шерсть на животе алая, а на спине серая, по хребту полоса черной вздыбленной гривы.

Собака зарычала на меня и на привидение. От ее рыка у меня внутри появился Страх. Он смешал всю мою память, пробрался в мир, стал рвать его терзать... Я испугалась, мне стало очень больно, я закричала. Собака обрадовалась моему воплю, зарычала громче и Страх усилился.

Подумав, что пес накинется на меня и растерзает, я убежала из лабиринта, так и не успев предупредить привидение. Но что ему могла сделать собака? Не знаю. Ничего, наверное.

Я долго никуда не выходила, не видела мира. Ушла домой, в пустоту, и боялась выйти. Там я поняла, что собака это и есть Страх. Она пожирает все светлое, все спокойное и превращает это внутри себя в страх. Она – сплошной страх. Живой. Воплоти.

Я хотела увидеться с Мышонком, слышала, как он звал, но не смогла найти дорогу к нему. С тех пор, как я увидела Страх, я никуда не могу найти дорогу. Сажу дома.

Одиноко. Холодно. Пусто...

Я задрожала от холода, от одиночества сдавило горло, и сильнее всего на снее захотелось, чтобы кто-нибудь теплый меня обнял. Невольно всхлипнув, я машинально утерла слезы и... проснулась.

Открыв глаза, я с удивлением обнаружила рядом с собой спящего сказочника. Али во сне хмурился и пытался кому-то доказать, что в разбитой лампе сидит джин и что три золотых за нее – уникальное предложение.

– ... Нет, ты просто не понимаешь, от чего отказываешься!... Не... Нет... Да подожди ты! В ней сидит джин, я тебе говорю!... Вот так вот трешь и!... – бормотал сказочник во сне. Невольно улыбнувшись, я начала успокаиваться.

Это был всего лишь очередной кошмар, меня никто не поглотил, со мной все хорошо... Ох, и приснится же такое безумие!

Утерев рукавом рубашки оставшиеся слезы, я села на плаще и осмотрелась.

Было холодно, костер почти погас. Подкинув в него немного веток вперемешку с магией, я уже решила ложиться обратно, как заметила, что чего-то не хватает.

Обведя взглядом весь лагерь, освещенный вновь ожившим костерком, я поняла, что этого «чего-то» действительно не хватает. Инквизитора нигде не было. Ни его плаща, ни сумки... но лошадь его на месте, значит, не сбежал.

Куда он мог деться, интересно? В кусты обычно с походными сумками не ходят. Хотя, кто его знает, что ему там нужно для этого процесса?

Усмехнувшись про себя, я улеглась спать дальше. Беглец вернулся еще раньше, чем я успела заснуть.

– Ну ты и кикимора, – шепнула я, приняхиваясь к стойкому запаху рыбы и тины.

– Сама не знаешь, что теряешь! – вздохнул инквизитор, укладывая на место свои сумки.

– Нет бы в чистой и теплой воде в трактире вымыться, понесло же тебя в эту чащу! – проворчала я, разглядывая мокрое чучело. Посмотрите только на эту довольную морду!

Арланд не ответил, молча завалился на свое место и уставился в небо счастливым взглядом человека, у которого только что сбылась мечта. Не выдержав, я улыбнулась его виду, и закрыла глаза, собираясь спать дальше.

Однако, стоило мне окунуться в сонную темноту, как меня снова охватил странный сон. Очутившись между дремой и явью, я вспомнила все до последней детали. Мне стало так страшно, что я заставила себя вырваться оттуда, открыть глаза.

Ночное небо, звезды, еще тлеющие ветки... все в порядке.

– Все в порядке? – спросил Арланд.

– Можно я задам тебе глупый вопрос? – спросила я, поворачиваясь к инквизитору.

– Только если очень глупый, – он улыбнулся.

– У вас в поместье есть человек, которого называли Мышонком?

Инквизитор медленно повернулся ко мне. Он долго и пристально смотрел на меня, прежде чем ответить.

– Почему ты спрашиваешь?

– Мне приснился странный сон. Там был Дейк и какой-то ребенок, – рассказала я. – Почему-то я называла ребенка Мышонком. Или кто-то другой называл, кем я была во сне.

– Дурацкий сон, – проговорил Арланд и лег ко мне спиной. – Спи.

– Ты не дашь мне чего-нибудь? Стоит мне закрыть глаза, я снова вижу все это, – попросила я.

Инквизитор молча сел и стал рыться в своих сумках. Найдя то, что искал, он подошел ко мне и вручил небольшую бутылку. Попробовав, я узнала напиток, который он дал мне в нашу первую встречу, когда на меня напала Дороти.

– Что это? Отличная штука! – сказала я, делая добрый глоток.

– Святая вода, – уклончиво ответил Арланд. Но то, что я пила, не могло быть водой.

– Разумеется, – фыркнула я, возвращая ему флягу.

Когда я передавала ему флягу, случайно коснулась пальцами толстых перчаток. По коже побежали мурашки, я не знала от чего: возможно, из-за чар, которые были наложены на его одежду. Возможно, из-за чего-то другого.

Арланд сделал вид, что ничего не заметил, и вернулся к себе.

Меня кольнуло странное, незнакомое чувство. Я легла спать, чувствуя себя на редкость паршиво. Однако, страшные сны меня больше не преследовали.

На следующий день мы продолжили путь, теперь мы ехали, не останавливаясь и не сворачивая. Али и Арланду пришлось толкаться вдвоем на белой кобылице, а я ехала одна, ехидно ухмыляясь, поглядывая на них.

Наш путь лежал по прямой. Мы не стали сворачивать к постоялому двору, где должны были остановиться прошлой ночью, потому до «Лошадиной Косынки» мы добрались быстрее назначенного срока. Уже к шести вечера мы были на месте, что несказанно радовало, учитывая, что ночь получилась довольно рваной. Быстренько отыщу вещицу, нужную Лорену, и завалюсь досыпать.

Этот постоялый двор от прочих отличала только оригинальное название и вывеска, с которой посетителям кокетливо улыбалась серая лошадь в яблоках и в голубой косынке в белый горошек. В остальном он был как две капли воды похож на прочие, у меня даже возникло дежавю.

Разобравшись с лошадьми, мы зашли в зал и заказали комнаты. Оставив вещи в спальнях, мы спустились на обед. Али, не имевший за душой ни гроша, но зато обладавший неиссякаемым обаянием, уговорил инквизитора оплатить ему обед, а меня – выпивку.

В спокойной обстановке мы разговорились.

– Так кого ты ищешь, не пойму никак? – спросил Арланд у сказочника, когда тот закончил рассказ о своей странной судьбе.

– Кудеяра! Он же приехал на материк подвиги совершать, а какие будут подвиги, если о них никто не споет? Да и пропадет он здесь без меня, как пить дать пропадет! Наивное дитя из царской семьи, ни порядков здешних не знает, ни правил. Его в первый же день обманут и обчистят, мага простодушного...

– Гхм. Судя по тому, что ты рассказывал про его мамочку, простодушный он вряд ли... – хмыкнул Арланд.

О царице Охмараги мы уже такого наслушались, что при одном упоминании о ней представлялся бог хаоса и смерти, пришедший на землю в таком странном облики.

– Брось, царица при более близком знакомстве милейшее существо в мире! – отмахнулся Али. – Главное не паясать на ее длинные уши. А они, скажу я вам, с локоть, да еще торчат в обе стороны! Ну, так о чем я? – он сделал большой глоток из кружки и откусил от своего куска мяса. – Кудеяр с такими родителями света белого не видел, все учился. Сын легендарных героев просто не может быть слабаком! Но одно дело занимать свое законное место на пьедестале сильных мира сего, и совсем другое – жить среди людей! На Кудеяре ведь не написано, что он сын правителя Охмараги, здесь его за одну только внешность заклюют, не то что не прославят! Без меня он здесь не справится и славы ему не видать, как своих ушей!... Хотя нет, уши-то он свои как раз видеть может, хе-хе!

– И где ты его искать собираешься? – спросила я, отпивая из своей кружки. – Куда ты дальше поедешь?

– Искать его где, не знаю, а собираюсь я в Генсенгт. Там скоро ярмарка будет, мне подзаработать надо.

– Ты же говорил, что у тебя от повелителей деньги еще остались, разве нет? Ты не положил их в какой-нибудь банк торговой гильдии... что-нибудь еще?

– Какой «банк», какая «гильдия», смеешься, что ли? – насмешливо фыркнул Али. – Да и когда я тебе это рассказывал? Три месяца назад! Что от этих денег могло за два месяца остаться?

– Они держались у тебя уже достаточно давно, ты сам сказал.

– Мало ли что я сказал!? Я в каждой таверне рассказываю о том, как на Охмараге сенари голышом ходят, и, представь себе, говорю это совсем не для того, чтобы мне верили! Я же сказочник, мне свойственно приукрашивать вещи ради глубины образа... Но хватит обо мне. Ты сама-то куда собираешься? И вообще, что ты здесь делаешь, все никак не спрошу?

– Мы с Дейком нанялись охранять местную графиню от привидений, срок нашей службы – до самой ее смерти. Как только огласят завещание, мы уедем. А потом... Дейк в Генсенгт собирался, наверное, тоже туда двинемся.

– До самой ее смерти? – поморщился Али, незаметно утаскивая у Арланда из тарелки кусочек мяса. – Долговато как-то...

– Врачи говорят, что ей остается совсем не так много, – вздохнула я, опять прикладываясь к кружке. – Нас наняли для того, чтобы мы сделали ее последние дни спокойными.

– А как ты оказалась здесь и без рыцаря?

– Один из членов семьи попросил меня найти что-то на этом постоялом дворе. Сейчас закончу отдыхать, пойду что-нибудь поищу.

– А что надо найти?

– Понятия не имею! – я пожала плечами.

– А ты, инквизитор, куда? Давай со мной в Генсенгт?

– Я не смогу оставить Бэйр, пока она не вернется к рыцарю. До тех пор куда она, туда и я, – покачал головой Арланд.

– То есть, ты вернешься в поместье? – удивилась я. – Я думала, тебе уже пора отправляться в Орден.

Арланд только покачал головой.

– Ясно все с вами, – вздохнул Али. – Ну ладно, удачи вам тогда. Я-то сейчас уже пойду. Пешком оно дольше, чем на лошади, так что мне расслабляться нельзя, меня ноги кормят. В общем, спасибо за обед, белобрысый, я пошел! С тобой, Бэйр, еще встретимся, задом чую. До свидания!

Встав из-за стола, сказочник похлопал по плечу Арланда, обнял на прощание меня и бодренько направился к выходу. Его красные одежды из шелка разевались на ветру, как крылья бабочки.

– Забавный он, – заметил Арланд, когда Али скрылся из виду.

– Да не то слово, – фыркнула я. – Ладно, надо думать, что искать будем.

– Разве дядя Лорен не оставил тебе никаких подсказок?

– Он сам ничего не знает, – вздохнула я. – Я полагаю, это должно помочь ему в его поисках. Карту, где было отмечено это место, оставил Маггорт Сенгайз, тот пресловутый маг, испортивший кровь в вашей семье.

– Очень верно подмечено, – усмехнулся инквизитор. – Значит, это он спрятал здесь что-то. Что может оставить маг? Какую-нибудь книгу или амулет.

– Но за столько лет эту вещь наверняка бы нашли. Как можно спрятать что-то на постоялом дворе, чтобы это пролежало здесь несколько сотен лет и не попало к кому-нибудь в руки?

– Наверное, он спрятал это в месте, куда никто не заглядывает.

– Такого места просто не существует! – вздохнула я. – Может, когда он прятал, этого двора здесь и не было вообще!

– «Лошадиной Косынке» вот уже триста лет, между прочим! Трактир благословлен серафимом! – заметила служанка, забирающая у нас пустые кружки. – Между прочим Рэмол жил у нас тут, когда только спустился! Если заплатите, покажем вам его кружку.

– Спасибо за информацию. С эдем повторите, пожалуйста, – попросила я. Кивнув, служанка удалилась, покачивая бедрами.

– Значит, Маггорт замаскировал это что-то под совершенно обычную вещь, – продолжил Арланд, не без труда оторвав взгляд от крупных бедер служанки.

– За триста лет любую вещь могли убрать или выкинуть, – возразила я. – Здание наверняка перестраивалось.

– Может, после любой перестройки эту вещь возвращали на место?

– Хммм... Знаешь что? Кое-какую вещь действительно могли не менять столько лет! Пошли проверим вывеску?

– Пошли!

Встав из-за стола, мы направились на кухню, чтобы договориться с хозяйкой или хозяином об осмотре.

– Что-нибудь пропадет – выпотрошу! – пообещал суровый мужик, со знанием дела раздывая тушу неизвестного мне большого животного.

Выйдя на улицу, мы с инквизитором стали думать, как осмотреть высокую вывеску с изображением лошади в голубой косынке.

– Может, я тебя подсажу?

– А как же твое слабое здоровье? – я усмехнулась.

– Ты не выглядишь такой уж тяжелой, думаю, не надорвусь.

– А, может, лучше лестницу найдем?... – предложила я, когда инквизитор подошел поближе ко мне.

– Так быстрее, – помотал головой Арланд, бесцеремонно хватая меня и усаживая к себе на плечи.

Кое-как устроившись верхом на инквизиторе, я потянулась к вывеске, изо всех сил стараясь удержать равновесие и не упасть.

– Ну что, есть там что-то? – спросил Арланд, усердно стараясь, чтобы голос не выдал, как ему тяжело.

– Пока не вижу... А вот, есть! Какие-то слова, цифры и буквы на обратной стороне, мелким почерком.

– Читай!

– Э-два, пойти, Д-тринадцать, открыть, НАП-ДО-двадцать, высчитать, К-один, Н-вверх, потянуть... Ничего не понимаю!

– Больше там ничего нет?

– Нет, только фирменный рисунок лошади.

Арланд наклонился так, чтобы я съехала с его плеча на землю, и приобнял, не давая мне упасть.

– Э-два, пойти, Д-тринадцать, открыть, НАП-ДО-двадцать, высчитать, К-один, найти, Н-вверх, потянуть... Что это может значить? – задумчиво произнес он.

– Мне больше интересно, с чем это связано, с этим местом, или с поместьем?

– Надо попробовать расшифровать, тогда поймем.

Вернувшись в зал за свой стол, мы стали думать над шифром, попивая принесенный эль. Для нестандартности мышления, так сказать. Поломав голову где-то минут десять поодиночке, мы решили объединить усилия.

– Может, эти буквы с цифрами обозначают места и предметы, куда надо «пойти» и которые надо «открыть», «высчитать» и «потянуть вверх»? – предполагаю.

– Может. Начнем с первого, Э-два. Что это может быть?

– Мммм... «пойти в экспедицию вдвоем»?

– Куда? Тут не сказано. Потом идет «открыть». Значит, после того, как мы куда-то придем, нужно будет что-то открыть. Открываем мы обычно ящики, шкатулки и двери. А нам надо открыть Д-тринадцать.

– Дверь под номером тринадцать?

– Может быть, кто ее знает? Дальше что?

– Нет, не дальше. После того, как мы пойдем в направлении Э-два, мы откроем дверь под номером тринадцать, допустим. Что такое Э-два, вопрос для особо одаренных?

– Ммм... Этаж второй? – предположил инквизитор.

– Этаж второй, пойти, дверь тринадцать, открыть... НАП-ДО-двадцать, высчитать... Мне кажется, что НАП и ДО это два слова, точнее их первые слоги. Как думаешь?

– И что это могут быть за слова? Кажется, знаю. Нам надо НАПоить ДОмового, которого мы найдем в тринадцатой комнате на втором этаже, двадцать раз, и тогда он расколется, куда и что положил Маггорт? – весело предположил Арланд, делая большой глоток и утирая рот рукавом. – Ха-ха, неплохо!

– ... НАПолнить ДОверху двадцатку? Нет, НАП-ДО-двадцать, высчитать... Высчитывают обычно из чего-то, чего много. Можно предположить, что НАП-ДО-двадцать это что-то одно из того, чего будет много. Причем двадцать может быть как всего вещей, так и номер вещи, которая нам нужна. Хотя стоп! НАП и ДО не указывают на номер и на очередность, нет чисел и цифр, начинающихся на эти слоги. Значит, двадцать – это номер, а НАП и ДО – слова, одно из которых предположительно прилагательное, а другое существительное. Твои соображения?

– В полнолуние, дождавшись полночи, мы пойдем на второй этаж, найдем дверь под номером тринадцать, откроем ее и обнаружим там... – начал Арланд таким голосом, как будто рассказывал страшилку, его лицо и жесты соответствовали голосу. – ...И обнаружим там НАПившихся до божественных откровений ДОмовых, и двадцатый из них скажет, куда и что положил Маггорт!

Хех, бедолага, кажется, ведет жизнь заклятого трезвенника, или с чего бы его так поперло после пары кружек?

– Арланд, давай нормально. Если не отгадаем, проторчим здесь черт знает сколько! – одергиваю инквизитора, пряча улыбку. – И вообще, тебе уже хватит!

– Поживи в Ордене под надзором монахов, я на тебя посмотрю, – проворчал он, отбирая у меня свою кружку. – Ну ладно. Что это может быть? НАПольные ДОски, ДОрогие НАПильники, НАПисанные ДОговора?

– Ммм... вариант с досками, кстати, хороший. Напильники и договора могут не сохраниться, а вот доски на полу могут хоть и обновляться, но их количество всегда будет одинаковым. Итак, если пойти на второй этаж, открыть тринадцатую комнату, высчитать двадцатую доску на полу... Все сходится. По крайней мере, не так бредово, как все остальное. Давай дальше. К-один, Н-вверх, потянуть. Что-то мне подсказывает, что «Н-вверх» – это «направление: вверх». Надо что-то потянуть вверх, и это что-то К-один. Что можно тянуть вверх и что начинается на «к»?

– Кольцо на крышке тайника?

– Точно, – киваю. – Ну что, пойдем спросим, есть ли здесь комната тринадцать на втором этаже?

– Пойдем, – кивнул инквизитор, залпом допивая все оставшееся в кружке.

– Есть, есть, тринадцатая комната. Ты, ведьма, ее себе взяла. А кто еще их берет, только вы и берете! – «дружелюбно» объяснила нам хозяйка.

Стукнув себя по лбу и послушав насмешки инквизитора, я отправилась в свою комнату.

– Итак. Раз доска, два доска, три доска... Двадцатая доска под кроватью, – понимаю.

– Лезь.

– Почему сразу я? Я не хочу пылью дышать, ты лезь!

– А я не пролезу, – заметил Арланд.

– Что ж вы все мужики такие жирные? – ворчу, ложась на пол перед кроватью. – Жрете много и пьете не в меру.

– Мы? Кто-то еще заставлял лазить тебя под кроватью?

– Дейк как-то уронил свой медальон под кровать на постоялом дворе и заставил меня туда лезть... Я полезла и нашла там... Вот черт! – от сильных эмоций я даже головой о дно кровати стукнулась, пока вылезала.

Ну, конечно, я здесь была, отсюда и дежавю! Мы с Дейком тут ночевали перед охотой на единорога, и я нашла под этой самой кроватью дневник мага, которого звали Маггорт Сенгайз! Потом не до дневника было, я про него и забыла... Забавно, то, что Лорен ищет всю жизнь, я все это время держала в сумке под горой одежды.

– Что такое? – обеспокоенно спросил Арланд. – Ты что-то нашла?

– Я ничего не могу сказать, на моих губах печать, – объясняю, сидя на полу и потирая ушибленное место на голове. – Не надо нам ничего искать.

– То есть?

– То есть я в лицо знаю того, кто был на этом постоялом дворе около месяца назад и стащил то, что мы ищем, – вздохнула я.

– И как мы теперь выполним задание дяди?

– Этот кто-то я, так что волноваться нечего. Я с собой договорюсь и все отдам.

– Так что ты нашла?

– Не могу сказать, это секрет. Если проболтаюсь – умру на месте, – ехидно улыбаюсь. – Не одному тебе страшными тайнами хвастаться, так ведь?

– Бэйр, не смешно! А Лорену ты что скажешь тогда?

– Я и не смеюсь. На вещице было проклятие, велящее мне никому не говорить о ней и не показывать. А дяде твоему скажу то же самое, что и тебе, – пожимаю плечами.

– Ты же ведьма, неужели не умеешь снимать проклятия?

– Что ты заладил, «умеешь – не умеешь»? – возмущаюсь. – Я наводить умею, а не снимать, так что помалкивай и не ущемляй мое самолюбие лишний раз!

– Боюсь-боюсь, о ужасная ведьма! – хихикнул Арланд, упираясь спиной в стену. – Что делать будем?

– Поедем уже завтра, а сегодня отдыхаем, отсыпаемся и в моем случае отмываемся.

– Может, еще эля? Не знаю, когда еще мне доведется его пить, – предложил он.

Я хотела было возразить: у бедняги уже глаза косели. Но потом мне в голову пришла мысль, что на пьяную голову Арланд может оказаться куда разговорчивее.

– А пошли! – сказала я, поднимаясь с пола.

Мы вернулись в зал и заказали еще выпивки.

– Неужели в Ордене вас совсем не отпускают погулять? – спросила я. – А как же студенческие попойки в трактирах?

– Нас держат в железных цепях на хлебе и воде, – пожаловался Арланд, с удовольствием прикладываясь к своей кружке. Он выпил ее едва ли не залпом, аж усы от пены остались!... – А выпускают только в по ночам пугать местных крестьян, хе-хе...

– Да уж, сочувствую, – я усмехнулась и сделала вид, что пью. – Мы с Дейком никогда не пропускали ни одной ярмарки, гуляли по страшному... Однажды мы притворились бродячими артистами и увели с ярмарки выставочную свинью, занявшую первое место, потом вломились в магазин для модниц и нарядили свинку в лучшие платья! Представляешь, что творилось, когда мы отправили ее гулять по улицам города!?... – рассказ был чистой правдой, я сама смеялась до слез, вспоминая, как мы потом с Дейком, едва ноги передвигающие, удирали из того самого города. Вот это была выходка! – Аха-хах... Боги, я никогда не прекращу смеяться!

– Знала бы ты, Бэйр с Равнин, как я тебе завидую! – сказал Арланд, упершись щекой в кулак. – Приключения, настоящая свобода... ты счастливый человек, хотя и однорукая! Помимо того, что ты вольна делать, что хочешь, у тебя еще есть друг, которому на тебя не все равно. На Дейка молиться надо, как он тебя терпит...

– Эй, у тебя есть целая семья, титул и куча денег! – воскликнула я. – Не смей жаловаться, двурукий!

– Эх, да что ты знаешь... – трагически вздохнул Арланд, снова прикладываясь к своей кружке. – Проклятие, так хорошо мне не было уже лет семнадцать! Эй, еще эля!... А ты давай тоже пей! Сей-чс пойдем искать свинью и платя, ха-ха!...

Батюшки, а не перестаралась ли я? Похоже, он не сможет говорить раньше, чем расколется...

Дернув служанку за подол, я сделала вид, что спрашиваю, где уборная, а на деле попросила ее давать Арланду сильно разбавленный эль.

Когда я вернулась с заднего двора, инквизитор уже вовсю знакомился со служанкой. Бедняжка, перепугавшаяся его амулетов и черного саркофага, не знала, как от него отделаться, несчастную спасло только мое появление.

– Бэйр! А что ты так долго!? – недовольно промычал инквизитор, отвлекаясь от своей жертвы. Улучив момент, девушка быстренько убежала.

– Зачем полез к бедняжке, страшилище? – усмехнулась я, берясь за свою кружку. – Перепугал ее до смерти!

– А чего меня бояться!? – возмутился Арланд, хлопнув кружкой по столу. – Я же в костюме! Ничего же не видно!

– Вот он-то ее и напугал! – объяснила я. – Ты побольше на себя амулетов повесь, чтобы девушки на тебя даже смотреть боялись...

– Но я же не могу его снять! Тогда произойдут очень плохие вещи... такие плохие вещи... – задумавшись о чем-то, Арланд грустно уставился на дно своей пустой кружки.

Господи, они же литровые, как в него столько влезает?

– И вообще я, может, скоро умру, – грустно проговорил инквизитор, облачиваясь на стол и упираясь щекой в кулак. – Знаешь, меня ведь отпустили к родным, чтобы я повидался с ними перед последним испытанием, последнее изменение тела. Почти никто не выживает...

– Ты серьезно?

Посмотрев на несчастные глаза Арланда я поняла, что серьезно.

– Мне иногда так страшно, – признался он. – Ты даже представить себе не можешь, насколько...

– Мне ведь тоже приходится бояться. Я в розыске, если ты не забыл!

– Ха! – вдруг воскликнул Арланд, в сердцах ударив рукой по столу. – Кто тебя ищет!? Какая-нибудь стража!? Пара тупых мечников!? Кому ты нужна Бэйр с Равнин!? Тебя просто повесят, и ты умрешь!... А я попаду в ад, ха-ха-ха, в настоящ-щий Ад!

На нас стали оборачиваться. Инквизитор говорил слишком громко, а когда он вошел в раж и начал смеяться, звук был такой, словно глотка у Арланда была железная...

– Пойдем-ка по комнатам, друг мой, – сказала я, поспешно выкладывая на стол деньги. – У меня ужасно болит голова от этой духоты!

– А надо было спать на улице, как я сразу предлагал!... Покупалась бы со мной в речке!

Встав со своего места, я подошла к Арланду и попробовала его поднять. К счастью, он не сопротивлялся, только продолжил бормотать всякую чушь. Кое-как устроив его руку у себя на плече, я повела его в комнату, ловя офигевшие взгляды посетителей. Их можно было понять, в общем-то: не каждый день увидишь, как ведьма укладывает спать пьяного в слюни инквизитора!

– А почему мы оба идем ко мне?... Бэйр, я так не могу, мне нельзя! А как же венчание!?!...

– К черту условности, милый! – фыркнула я, вталкивая его внутрь и закрывая за нами дверь. Так нас хотя бы не будут слышать!

Арланд стоял посреди комнаты совершенно растерянный. Можно было подумать, он и впрямь переживал за свою невинность.

– Я взяла нам кое-что сюда! – я показала ему наши кружки, которые несла здоровой рукой.

Улыбнувшись, инквизитор взял у меня свой эль.

– Ты чудо... знаешь, я как тебя увидел, сразу это понял! – ласково пробормотал он.

Мы уселись на его кровать, не прошло и минуты, как Арланд полез ко мне целоваться, но я мягко его отодвинула, прикрывшись кружкой. Эту игру мы уже проходили с Дейком, правила знаем.

Какое-то время инквизитор обиженно дулся, а потом, после двух-трех глотков из кружки, забыл об этом и снова заговорил со мной.

– Раз уж мы тут пьем, как закадычные друзья... и только друзья! – он воздел вверх указательный палец в перчатке. – Скажи мне одну вещь, Бэйр с Равнин! Я должен знать, понимаешь? Должен!

– Валяй! – я махнула рукой, выпивая еще эля. А он и вправду был крепкий, мешают ни в него что ли что-то?...

– Зачем ты ищешь Истэку Демонтина? – вдруг спросил Арланд. – Зачем, скажи мне?

– А если ты меня зарежешь из-за своих инквизиторских принципов? – спросила я.

Арланд фыркнул, да так, что капли слюны брызнули в сторону. Красавец, ничего не скажешь.

– Не зарежу! – пообещал он.

– Я не из этого мира, – призналась я, упираясь спиной в стену. Доски перед глазами начинали гнуться, прямые линии искривлялись... или они просто изначально были такие кривые? – Меня сюда случайно занесло.

– Да ладно!? – воскликнул инквизитор, округляя глаза и подаваясь в мою сторону. – Но ты же... ты же... обычный человек! – он взмахнул руками, пролив часть эля на костюм.

– Разумеется, обычный! Но я хочу обратно. Истэка может помочь мне вернуться в место, в законах которого я разбираюсь, и которое куда безопаснее, чем ваш странный мир.

– О, Бэйр, а ты заберешь меня с собой? – попросил инквизитор, едва ли не захлебываясь от волнения. – Я тоже хочу в другой мир!... Меня здесь... ахм... обижают!

Конец фразы съехал в чужой, совершенно незнакомый мне низкий голос. Арланд снова зашелся нечеловеческим смехом, словно смеялся не один человек, а сотня. Сотня демонов, ржущих в металлическую трубу.

– Арланд, да что с тобой творится!? – спросила я, в страхе рассматривая заливающегося инквизитора.

Он встал с кровати, начал ходить по комнате, хватаясь за стены. Его корежило, как припадочного, кружка со звоном полетела на пол, в лужу эля. Инквизитор никак не мог уговориться, все ржал и ржал, ползая по стенам, а жуткий хохот разносился по всему трактиру.

– Меня зовут Арланд Сеймур! – закричал он не своим голосом, подняв на меня совершенно чужие глаза. Угольная темная радужка сверкнуло золотом. – Но это не точно, аха-ха-ха!!!...

– Ты одержим какой-то дрянью!? – крикнула я, вставая с кровати. Черт бы его побрал, о таких вещах надо предупреждать! Что мне теперь с ним делать!?!...

– Ты искала секреты, Бэйр с Равнин!? – закричал Арланд, вставая в полный рост. – Так смотри же!!!

Он принялся расстегивать свою куртку, его глаза горели безумием, он не переставал дико смеяться.

Больше мне не хотелось знать, что он там прячет. Я бросилась к нему, останавливая руки, но он вырвался, начал сдирать с себя перчатки. Слава всем богам, даже на них были замки, которые открывались не так-то просто.

У меня было не так много времени, чтобы придумать, что с ним делать. О том, чтобы применять магию или силу, появившуюся в левой руке, не могло быть и речи: он справится на раз и с тем, и с другим. И меньше всего мне хотелось бы злить его в этот момент.

Схватив Арланда за лицо, я притянула его к себе и поцеловала. Он мгновенно забыл о своих перчатках, а у меня появилось время, чтобы дотянуться до одного из его амулетов.

Обняв инквизитора одной рукой, другой я незаметно откручивала крышу фляги со святой водой или чем-то еще, что Арланд постоянно пил. Когда дело было сделано, мне оставалось только проявить ловкость руки и, отстранившись, подсунуть ему горлышко фляги.

В последний момент желтые глаза распахнулись и уличили обман, но было поздно. Жидкость инквизитор все-таки проглотил, поперхнувшись от неожиданности. Пока он кашлял, золотой блеск растаял, и Арланд начал медленно терять сознание. Прежде, чем он упал, я успела подвести его к кровати.

Несчастный тут же уснул, а я медленно сползла по стене на пол.

– Вот и выпили... – выдохнула я, косясь на мертвеца пьяного инквизитора или... я не знала, на кого.

Я не могла понять, что именно сейчас увидела, но в одном была уверена: в Арланде кто-то сидел. Но если он и вправду одержимый, то почему белые совы не помогли ему?... или он подхватил эту гадость в ордене? А, может, это и есть главная тайна инквизиторов? Они достигают такого могущества, подсекая к себе в тела сущности из других миров?

Пока я думала, успела допить свою кружку эля. Все, что я влила в себя до сих пор, выветрилось за секунды, как только Арланд начал смеяться, а сейчас мне нужно было успокоиться. Предстояло решить, что делать дальше.

Однако, это оказалось не так просто, ведь ничего нового я так и не узнала, кроме того, что бедолага сам не свой из-за предстоящего испытания в ордене. Он приехал в семью, думая, что видит их в последний раз, а на него столько всего вывалили! Не каждый бы это выдержал.

Впрочем, что из этого заставило его сорваться и уехать из поместья, а потом еще и напасть на меня? О чем он думал?

Память услужливо подсказала: он думал, что я знаю то, что не должен знать никто. Увидела, как на нем шипит святая вода, сложила это с тем кровавым инцидентом в его комнате, и сразу все поняла, разумеется... он слишком хорошего мнения о моих способностях! Да и что бы я сделала, если бы узнала!?

И тут меня осенило! Неужели он прячет что-то не только от всех вокруг, но и от своего ордена? А ведь и правда, кого еще он мог так бояться, как не инквизиции с ее пыточными!?

Но ведь Арланд не темный маг, а сидящую в нем дрянь белые совы вычислили бы в первую же встречу! Как за столько лет они до него не докопались?

Я покосилась на спящего.

Что ж, второго шанса узнать это у меня не будет.

Медленно перевернув инквизитора на кровати, я только убедилась в том, что его сейчас не разбудит даже салют под ухом. Один за другим, я стала открывать замки на его одежде, металлические защелки нужно было мудрено выкрутить, чтобы механизм раскрылся. С меня семь потов сошло, пока я справилась с курткой, но под замками оказалась мелкая шнуровка! Он еще и зашил, проклятый!

Но я не сдавалась. Вскоре куртка была расстегнута, а рубашка... ее снимать и не потребовалось. Разве что под перчатками оказались вторые перчатки, потоньше, которые я все-таки стянула.

Когда я за это взялась, уже не знала, что увижу. Перья, чешую? Воспаленные язвы, покрывающие все тело? Что-то вроде того, во что превратилась моя левая рука? Однако, все оказалось намного прозаичнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.